

КАЗАЧИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

№ 8.

ПАРИЖ.

1959 г.

КАЗАЧИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК.

RECUEIL d' ARTICLES SUR L'HISTOIRE COSAQUES.

№ 8.

ИЮНЬ.

1959.

ПАРИЖ.

ОТДЕЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ.

И.И. Буданов.

КАЗАЧЕСТВО.

Прежде чем говорить о казачестве необходимо определить, что надо понимать под этим выражением, а также определить его историческое и географическое пространство.

Слово к а з а ч е с т в о может иметь два различных смысла: оно может быть понимаемо в смысле административном, как организация, объединение Казаков, регулируемое известными законами, правилами и обычаями, подобно тому как существует организация дворян-дворянство, организация крестьян - крестьянство, поэтому мы имеем казачество Донское, казачество Кубанское, Терское, Яицкое и т.д.

От казачества, в смысле его административной организации, следует отличать более или менее случайное с к о п л е н и е Казаков; в этом случае это скопление будет носить название к а з а ч ь ё, к а з а ч ь я.

Примечание. Настоящая статья есть одна из глав книги "Дон и Москва". Предыдущие главы могли появиться в печати, благодаря жертвенности некоторых Казаков. Теперь мы печатаем на ротаторе да и то в журнале с небольшим тиражом, ибо уже и самому автору как-то неловко становится возлагать расходы по изданию их на жертвенность одних и тех-же Казаков, большей частью престарелых и даже больных.

Тем же путем /ротаторным/ будет издана книга VI "Древнее население Дона".

И. Б.

Соходился тут хорош-пригож казачий круг, Донское казачье со Яицкими.
/Симб. г.Киреев, III, 52.

Казачья вольная поздорову приехали, Тебя, света моего, привезли убитого.
/ В.Н.П. Соболев, VI, 223, из Кирилл Данилова/

Географическое положение нынешнего казачества ограничивается восточном б. Европейской России - Дон, Кубань, Терек, Яик, а также Астраханским, Оренбургским и всеми Сибирскими Войсками, а на юге - Запорожьем, до 1775 г., а после этой даты они-же Черноморцы, на Кавказе, теперь часть Кубанцев.

Есть Казаки и в средней Азии; занимают они пространство от Иртыша до Урала; в общепитии, истории и географии их почему то называют К и р г и з а м и, тогда как сами они этого наименования не признают

и называют себя КАЗАКАМИ.

Тип их в сильной степени омонголен, но не совсем монгольский; язык их турецкий, религия - магометанская. Каковы их политическо-общественные воззрения и каков их духовно-моральный облик нам почти неизвестны, почему эта группа Казаков остается вне поля нашего зрения.

Но это-же слово казачество может быть понимаемо и как явление порядка духовно-морального, т.е. внутреннего духовного существа Казаков, души их: отношение их к религии, к нравственности, к ближнему, их нравы, быт; но казачество можно рассматривать так-же и как явление политическо-общественного порядка, т.е. самого выявления и осуществления политических и общественных идеалов, присущих казачьему мировоззрению и выражающемуся в их государственных и общественных учреждениях, общественном порядке, во внешней культуре.

Употребляют слово "русскость" в смысле совокупности душевных черт, присущих русским, т.е. Великорусам; в данном случае с тем же основанием можно употреблять и слово "казацкость", как совокупность душевных качеств, присущих Казакам; слово это образовано по тем-же правилам русского языка, как и слово русскость, но, как новое, оно еще непривычно, хотя зародки слова "казацкость" можно видеть в слове "казачина", но в него великоросскими верхами вложено уже иное содержание, не особенно лестное для казаков.

Казачество в его духовно-моральном смысле можно рассматривать на всем протяжении истории Казаков, от их появления и до наших дней: ибо эта сторона касается той части жизни, которая составляет внутреннее сознание человека, и она при внешних неблагоприятных обстоятельствах, уходя в глубь души, труднее поддается насильственной регламентации, предписаниям извне и потому держится более стойко, тогда как с волей политическо-общественный порядок всякий государственный организм устанавливает только тогда, когда он действует свободно, независимо. Великий Новгород, Киев, Псков, Вятка /Хлынов/, Дон, будучи свободными, установили у себя тот государственный строй и порядок, который соответствовал их политическо-общественным идеалам, и только после погребения их в крови Москвою она сама насильственно установила у них политическо-общественный порядок на свой образец; след., в этом политическо-общественном отношении Казацкость может быть проявляема только до того момента, пока Казаки не были подчинены Москвою; неокончательно еще заглушенное ею, Казаки давали себя чувствовать в толчках Разина, Булавина, Пугачева и особенно в революцию 1917 года, когда Казаки оказавшись свободными, установили, или, вернее сказать, восстановили свой политическо-общественный идеал.

Что же такое Казачество, понимаемо в его духовно-моральном и политическо-общественном смысле и какими причинами оно вызвано?

В этом случае необходимо выявить духовный генезис самого Казачества. У историков на этот предмет существуют неодинаковые взгляды. Так, взгляд на казачество у проф. Платонова имеет, так сказать местный характер, как результат тогдашнего государственного и общественного строя Москвы и Польши.

" Одно сознание личной независимости и свобода от тягла и принудительной службы, одна вражда к привилегированным землевладельческим классам, "лихим боярам" и отвращение от земледельческого труда, который вел к закабалению работника - объединял казачьи толпы, противопоставляя их служилому и тягловому люду, жившему в государственном режиме". /Платонов. Очерки..., 120/

Несколько более широкий взгляд на Казачество проводится у Костомарова.

" Идеалом Казачества была полная личная свобода, нестесняемое землевладение, выборное управление, полное равенство членов общины, пренебрежение ко всяким преимуществам происхождения и взаимная защита против врага".

Близко к истине подошел и дал еще более широкое определение Казачества Забелин.

" Не существовало-ли в те времена /времена Геродота и Птоломея, И. Б./ той же самой причины, что это были люди /жившие по берегам Дона и Днепра, ПБ/, не принадлежавшие ни к какому племени, составлявшие, собственно, сброд людей от всяких племен?"

" Как-бы то ни было", продолжает Забелин, "но происхождение Казачества должно уходить в глубокую древность, ибо оно, казачество есть т. сказать неизбежное физиологическое явление древнейшей жизни наших украинцев, вызванное на Божий свет их географическим положением и ходом самой истории". /Забелин, История..., ч. I, 20 /

Уход населения из древних городов от греческих тиранов, от римских правителей, отход от племенных союзов в кочевой период от притеснения властей, уход из пределов государств позднейших времен от закабаления присущ, очевидно, всем народам, и явление это есть не столько физиологического порядка, а порядка биологического.

Казачество, как и всякий другой общественный организм, состоит из отдельных личностей, и если какая-нибудь черта духа присуща всем этим личностям или подавляющему большинству их, то эта общая черта сообщает колорит и всему общественному организму. Из этих духовных черт, присущих казачеству, в первую очередь надо отметить любовь к свободе, уважение к личности и реальный гуманизм, почему казачество есть в то-же время и выражение извечного активного протеста против рабства, насилия и угнетения личности; оно присуще в большей или меньшей степени и всем другим народам и потому казачество так же вечно, как вечно стремление человека к свободе, "вольности", к достоинству человеческой личности, и этот казачий дух неистребим, его можно на время придушить, но он вновь воявится, может быть в другой форме, но появится.

Где-то в верхнем течении реки Хопра или р. Великой Вороны, среди народа Будинов находился город Гелон, сожженный Дарием Гистаспом /в У в. до нашей эры/. Жители этого города были Греки, ушедшие от производства греческих тиранов, господствовавших в Киммерийском Босфоре.

Марсельский священник Сильвиан, живший в середине У века, пишет: "Римский император /просто народное/ единодушно заявляет о том, чтобы ему было позволено жить с варварами... Наша братья /римляне/ не только не хотят перебежать от них /варваров/ к нам, но наоборот, оставляют нас, чтобы перебежать к ним. Я бы только подивился, что не все бедные и трудящиеся римляне делают это, если-бы не было одной причины /.../ именно, /.../ что они не могут перенести туда свои пожитки, лачуги и семьи". /Греков. Борьба Руси..., 13 /

"Бодняки искали у варваров человечности, потому что не могли снести у римлян варварской бесчеловечности... Они предпочитали быть свободными, называясь рабами, чем томиться в рабстве, сохраняя одно лишь название свободных".

"Народ большими толпами /.../ убегал /.../ к варварам. Чтобы скрыться от родной земли, каждый из них охотно менял ее на любую чужую землю, как будто-бы их родина была захвачена врагами"/Прокопий /УІ в./ То-же, что мы видим и теперь во время последней мировой войны 5 миллионов пятьсот тысяч граждан покинуло СССР, самую свободную страну в мире и их пришлось танками загонять обратно; Казацья трагедия в Линде. Как видно римский плебс не дожидаясь до настоящего казачества, не останавливавшегося в поисках свободы бросать на месте и пожитки и лачуги и даже семьи. Стоит только вспомнить грозные слова Ивана 3-го.

Интересно отметить, что и в "Слове о полку Игореве" тоже говорится об обитавших, уходивших на Дон, "На землю Трояню".

"Встала обида в силах Даждьбожа внука, вступила девица на землю Трояню, всплескала лебедины крылы на синем море у Дону плещучи, упуди жирня времена".

К сестре своей Агриппине /Огрофене/, вел. кн. Рязанский: "А заказала бы еси своим людем л у т ч и м, с е р е д и м и молодым накрепко чтобы ни на Дон не ходили /.../ А у которого у того человека оцалась на дворе жена и дети, и ты б тех велела их казнить /СРНО т.1502 4I, 4I3/.

Это особое состояние духа, этот активный протест особенно сильно и ярко выразился у народа, носившего название Казаков, почему за этим явлением впоследствии и окрепло название к а з а ч е с т в о.

Оставляли своих жен и детей и в середине 1600-х годов. Так один воевода доносит своему царю Московскому: "В нынешнем, государь, в 154 /1646/ году, в июне месяце сбежали с Корочи короченские русские полковные Казаки /перечислены имена/, покинув твою, государеву, службу, и жены свои, и дети, а где, государь, они побежали, того неведомо". /Чт. II, 253, 1859 г./

Тот-же элемент активного противостояния рабству или просто угнетению обнаружился и во время образования в Азии Казачьей Орды, которая быстро увеличивалась путем присоединения к ней по тем-же мотивам многих других племен.

Потом в ходе исторических событий наименование казачества, в его втором смысле, сохранилось только за Казаками юго-востока б. Российской империи и в Запорожьи, т.е. в тех же местах, где оно нашло себе благоприятную почву для сохранения своей сущности.

Первоначальное ядро нынешнего Казачества, доступ в которое был открыт всем искавшим человеческой свободы, всем угнетенным, обитанным и оскорбленным, было составлено из лиц воспринявших и освоивших эту свободу. Дон "зачался казачьими головами", и с Дона часть его населения, уже проникнутая этими идеями, ушла на Яик, на Терек, в Сибирь, часть его насильственно была поселена на Кубани /Линия/; эти идеи сошлись и на Днепре, и там, в Запорогах, образовалось казачество Запорожское.

Эта свобода человека и его духа создала другую психологию людей, чем у тех, которые находились под гнетом и в рабстве; народ собираясь по этому признаку вместе из разных мест и племен, создал путем брачных смесений и совместного сожительства особый тип людей и особую государственную общественную организацию. Вот почему политический и об-

щественный режим Дона и Москвы /России/ совершенно противоположны: с одной стороны /Дон/ - режим свободы личности, суждений, веры, где права человека и гражданина были охранены, где не было лутчих, а все были равны, с другой - /Москва/ режим чисто тиранический, крепостнический, сумевший приравнять человека к вещи, которую можно было купить, продать, заложить.

Надо отметить, что и на Москве, в самой Москве, тоже был протест против порабощения личности и протест против злоупотреблений сильных мира сего, но он выражался своеобразно, согласно москвитинской душе, в форме в р о д с т в а, которое, впрочем, являлось скорее пасквилем на тогдашнее состояние общества, как об этом говорит Флечер, чем борьбой за свою свободу, причем вродство не было массовым явлением, а выражалось только в отдельных личностях.

Когда один народ вливается в среду другого народа малыми частями, постепенно, то он обычно со временем незаметно растворяется в нем, принимая его имя, язык, обычаи, нравы, усваивая религию, если она была у них иной, если-же он вливался большими партиями массово и бурно, например войной, то тут происходило столкновение; результаты его бывали различны: или местное население утрачивало свой язык и имя, воспринимая язык и имя завоевателей, или же наоборот, сами завоеватели воспринимали культуру и имя завоеванного им народа. Так в среду Хакасов влилось много монгольских семейств, которые утратили свое имя Монголов и свой язык; Французы утратили свое первоначальное имя Голуа и приняли имя завоевателей - Франков, потеряли и язык свой, усвоивши латинский и латинскую цивилизацию, но дух свой, дух Голуа они все-же сохранили.

Иммиграция в казачью среду не вливалась массово, а шла небольшими группами, незаметно, постепенно в ней растворяясь, воспринимая и прочно осваивая ее мировоззрение, ее идеалы; и это вхождение к Казакам было как-бы посвящением в свободные люди, забвением прошлого, очищением от рабства, если приходивший к ним был раб.

По этому признаку свободы и внутреннего достоинства и шел отбор людей, что великорусские историки пренебрежительно называют с б р о д о м; но тогда надо сказать и то, что и сама московитинская знать есть тоже сброд.

Проф. Ключевский вычислил, что в составе московитской знати числится русских фамилий только 33%, польско-литовских и западно-русских - 24%, немецких и западно-европейских - 25%, татарских - 17% и неизвестных - 1%. Разница между тем и другим сбродом состоит только в том, что один сброд имел целью защиту прав человека на свободную жизнь, и достоинство, другой-же сбредался "на ловлю счастья и чинов".

Казачество есть идея, но как и всякая идея, чтобы быть реальностью, должна быть воплощена, и она воплощается именно в к а з а ч - к о с т и, ибо неограниченная покорность всегда ведет к рабству, что стало с великорусским народом, а потом и с малорусским; вот почему Казачество всегда таит в себе и элемент взрыва, происходящий всякий раз, когда над ним протягивается рука поработителя; вследствие чего оно представляется хранителем идеи свободы личности и справедливости, и к нему обращаются, туда бегут; потому у Казаков и не было таких лиц, перед которыми надо было униженно падать ниц, как это было на Москве.

Крестьяне /мужики/, напр., должны были при встрече на большой дороге с боярами, с приказными, с военными, не глядя им в глаза, падать ниц и бить головой о землю.

Не в лучшей положении были и сами бояре.

"и приехав в церковь или полате, увидев царя, кланяются перед ним в землю", "и они за свои рины потому и кланяются в землю многожды, доколе простит". /Котош., 23, 24 /

Эта политическо-общественная свобода дала Казакам возможность независимо проявить свой духовно-моральный облик; этот облик и житейский обиход создали круг определенных политических и моральных идей, которыми Казачество руководилось.

"Жизнь народа, говорит Забелин, "в своем постепенном развитии всегда и неизменно руководится своими идеями, которые дают народному телу известный образ и известное устройство. Разработка истории стремится найти такие идеи в общей жизни народа, в его политическом или государственном и общественном устройстве". /Забелин, История, с. III, и IV /.

"Но и мелочный повседневный быт точно также всегда складывается в известные круги, необходимо имеющие свои средоточия, которые иначе можно также именовать идеями;... для истории народной жизни они суть прямое и необходимое ее содержание /там-же, с. VI/.

"... Корни всякой исторической жизни всегда скрываются очень глубоко в отдаленных веках". /Там же, с. VIII/.

250 лет великоросского рабства у Татар естественно наложили на душу Великороса свой печальный и недоброкачественный отпечаток со всеми его недостатками.

В то время, когда вся Русь, все её слои находились под татарским владением и давлением, Донские Казаки или их предшественники находились у них на службе; в то время, когда крестьяне еще 250 лет после татарского ига находились в рабстве, но уже у своих "во Христе братьев", Казаки были свободны и независимы и свободно служили кому хотели, и своей службой они оказали Москве неоценимые услуги, но всегда резко защищались от всяких её попыток поработить их.

/Окончание следует.

КАЗАЧЬЯ ПОЛИТИКА В МОСКОВИИ.

Страницка из истории.

Как известно, романовская династия утвердилась в Московском государстве в результате "нажима" казачества, главным образом Донского. Среди споров, интриг, дразг "великого земского собора", по поводу кан дидатов на престол, совершенно неожиданно для большинства собора, атаман Межаков положил на стол "писание, о природном даре Михаиле Романове"... Положили свое "писание", а сверху свое кривую казачью саблю... Но не для всех членов собора выступление атамана Межакова было неожиданно. Романовская партия знала про это выступление, даже больше того, - не подлежит никакому сомнению, что в течение какого-то времени сторонники Романова вели переговоры с донским атаманом. За это говорит и само "писание": Сам Межаков, конечно, совершенно не знал родословную дома Романовых, происхождение этого рода, родственную связь с угасшим домом Рюрика и проч. Межакову вручили составленное "писание".

Но тут возникает вопрос: Если донской атаман стал на сторону Михаила Романова, причем стал "твердо и серьезно, наглядным примером которого явилась его кривая сабля, то, конечно, были какие то условия этого соглашения Межакова с романовской партией.

Имя Межакова в первый раз встречается как раз, только по окончании смуты, после очищения Москвы от поляков, в эпоху этого собора. В годы смуты, начиная с первого "лже-Дмитрия" до "тушинского вора", в годы потрясшие всю Московию, имя Межакова не встречается. Казацья интервенция в московские дела возглавлялась казачьими атаманами Трубецким и Заруцким. Эти же два казачьих атамана некоторое время вместе с П. Ляпуновым составили триумvirат, верховную власть в Московии, которая распалась после убийства Ляпунова.

В поражении гетмана Ходкевича под Москвой и в окончательном штурме кремля, также казачьи таборы находились под командованием Трубецкого и Заруцкого. Почему же в земском соборе оказался Межаков, а не эти два атамана, имевшие столь исключительное положение и влияние, располагавшие единственной вооруженной силой, каковыми являлись казачьи таборы. Ведь даже наиболее казакофобы - русские историки признают земское ополчение Минина и Пожарского... сбродом... Факт, что разгром польской армии гетмана Ходкевича, произошел только благодаря вступлению в бой казаков, - не отрицают русские историки. А разгромив поляков, очистив от них Москву, эти две казачьи армии, во главе со своими атаманами, как то стусевались, "пропали", а вместо них на соборе появился атаман Межаков...

Объяснение этому простое: Как Трубецкой, так особенно Заруцкий имели свою политику, которая не совпадала не только с русскими, но и с оседлыми казаками на Дону, так называемые "домовитые"... Заруцкий определенно стал на сторону первого "лже-Дмитрия", выставляя кандидатом на московский престол малолетнего сына "лже-Дмитрия" и Марини Мнишек, так называемого "воренка" по московскому прозвищу... Интересно, что при окончательном разгроме Заруцкого, этот "воренок" был привезен в Москву и всенародно... повешен...

Русские в Московии, конечно, были кровно заинтересованы в добрых отношениях с казачеством Дона, но именно, с казаками "домовитыми", а не с казачьей вольницей Трубецкого и Заруцкого, которые несли с собой полное переустройство Московии на казачий вольный образец... Напуганные призраком "холопского" движения Болотникова, московские бояре и высшее православное духовенство даже согласились на призвании польского королевича Владислава. Но им же, совершенно не улыбалась и победа Заруцкого, который так же нес с собой уничтожение "кабали", уничтожение боярского строя.

Почему казачьи таборы не сталкивались с Болотниковым, не установили совместный образ действия, это остается без ответа, но одно ясно, если бы Заруцкий и Трубецкой вошли в связь с вставшими холопами Болотникова, то возможно, история Московии, а потом и России пошла бы иначе. Потом, спустя более чем полтора столетия, другой донской казак Емельян Пугачев, попробовал с помощью яицкого казачества поднять холопов, на борьбу с крепостническим Петербургом, но время уже было иное, Московия выросла в Российскую империю и екатерининские крепостники нашли в себе силы, подавить и разгромить движение Пугачева.

В то время, по окончании смуты, русские искали поддержки и помощи у казаков Дона. Переговоры, конечно, шли с разных сторон, но опередила романовская партия и в результате царем был выбран Михаил Романов.

Никаких письменных условий между Межаковым и романовской партией не сохранилось, да и были ли эти условия письменные. Но условия, конечно, были... Межаков должен был и обязан защищать свои казачьи интересы, интересы Вольного Дона. И главным пунктом соглашения, конечно, был пункт - ненарушимая самостоятельность Дона. Это подтверждается тем фактом, что в Москве было донское посольство, что с Доном Москва сносилась через Посольский приказ - министерство иностранных дел... Но Москва Михаила и Алексея Романовых, помня недавнее прошлое, старались застраховать себя от всякой неожиданности со стороны Дона. Отсюда попытки принесения присяги Доном Москве, в лице царя...

История показала, как потомки "казацкого царя" Михаила, отплатили казачеству. Разгром Дона Петром I-м, обращение в военное сословие, сужение казачьих территорий, наказные атаманы, постепенное обволакивание казачества русским крестьянством.

И не было ли лучше, если бы Межаков остался бы на Дону, а не спутался с русскими. Нужно было бы предоставить самим себе этот земский собор, с соперничеством Мстиславского, Голицина, Пожарского... Во всяком случае, от новой смутной эпохевины в Московии, Дон бы, а с ним и все казачество выиграли бы... Во всяком случае, ничего не потеряли бы...

Мих. Лидин.

К сведению будущих историков Казачества :

Размещение материалов для истории нелегкое дело вообще, для казачьей же истории в особенности, т.к. они разбросаны по разным журналам или находятся еще в архивах.

Мы уже указали на карты Дона, Яика и Терека / №7 КИСб./, находящиеся в Делах Тайного Приказа.

Затем встретилось в "Трудах и записках Общества Истории и древностей Российских" ч. III, кн. II, стр. 91, такая заметка: "Грамоты и рукописи о Казаках - хранить при делах общества".

Какие это грамоты и рукописи и использованы-ли они, и где они теперь находятся нам ничего неизвестно.

Статья "О имени к о з а к" акад. Бутнова помещена в "Вестнике Европы" за 1822 г. Во Франции журнала за этот год найти не удалось.

В вышеназванной статье "Карты Дона, Яика и Терека" просим исправить! после слов: "кладет их гораздо" надо поместить следующее: "выше, чем мы это считаем теперь, а так же и от гор. Тамбова по Хопру; интересно проследить и названия казачьих городков. Это явилось бы подтверждением слов М.Ф. Фомичева в его"...

Ив. Б.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ.КАЗАКУ.

Нет, не молись!

А пулей из нагана
Дорогу к Праву проложи свор.
Родимый Край! Его святые раны
Ты исцелишь не плачем, а в бов.

Довольно слёз!

Когда нас убивали
Нас не смыхал нас позабывший Бог.
Молчал Аристос...

В лихой твоей печали
Никто тебе, станишник, не помог.

И ты не верь, что счастья в наши хаты
Добьёшься ты и жертвой и по́стом.
Закрыта-ль дверь-в замок из автомата
За лентой ленту выпусти огнём.

Запомни, брат-

торгующих из храма
Бичём погнал наш тихий, кроткий Спас!
Они молчат - торгующие нами,
Им - неудобно вспоминать о нас.

Забиты мы!

А на могилы дедов,
Чтоб запахать их-он пришёл-чужак.
Мы дверь тюрьмы откроем лишь побе-
дой

Запомнив твёрдо - мир нам братства не дал!
И в мире этом - одинок казак!

П. Поляков.

П. А. Соколова.

Отрывки из записи о былом: "Казакки Ермаковы".

КРЕСТИНЫ.

Когда у Лапиных родился мальчик, и сюрпризу обрадованной Лиды, её пригласили быть крестной матерью. Польщенная и гордая счастливой честью иметь крестника, она даже не удосужилась поинтересоваться, кто же восприемник, в глубине души желая, чтобы им был, конечно "милейший господин Милов". Но её кумом оказался не старик, а его сын, реалист Вася Милов.

Крестины через три дня. Надо было торопиться с приготовлениями. Как полагается хорошей крестной матери, девочка с усердием принялась вязать чепчик, к сожалению, невыходивший у неё складным и красивым, как хотела-бы, хотя старалась искренне, прилежно, вкладывая все свои способности и умение. К счастью, у мамы, как "по щучьему велению", неожиданно оказался прекрасный, с кружевами и лентами нарядный пакет с "приданным" для новорожденного.

Пришел Вася. На его приветствие "Здравствуйте, кума", произнесенное "петушиным" голосом от детского возраста, Лида зарделась, как макков цвет и, давя смущение ответила:

- "Пока еще нет. Только после крещения я стану вашей кумой". -

Вася доложил: - "Ваш с вами крестный сын будет Александром в честь прадеда Александра Матвеевича Милова, отца моего папы. Маска-тельно Шурик". -

Лида вспыхнула до загоревшихся ушей, повторив: / "Ш у р и к".

В это время отец Андрей вызвал "кума с кумой" в свой кабинет.

- "Должен вам объяснить роль восприемников при крещении младенца и при его дальнейшей жизни. - Серьезным тоном начал он беседу с ними. - Крестные отец и мать являются духовными руководителями крещаемого,

его ответственными перед Богом наставниками, воспитателями, уча молитвам и православной вере, направляя по доброму нравственному пути и должны быть ему примером, образцом, учителями. Случается, что по каким либо житейским обстоятельствам родителям неспособны дать ребенку нужный духовный фундамент; бывает так-же, что осиротевшие дети остаются без морального родительского внушения и воспитания. Вот поэтому-то Церковь и предоставляет им восприемников, - крестных отца с матерью, для замены кровных родителей. На крещении младенца у них священник поэтому требует прочитать самые насущно-необходимые молитвы, дабы удостовериться в их элементарной подготовке к ответственной миссии восприемников. - И, обращаясь к Васе, отец Андрей добавил: -Вы, кум, если нетвердо помните Символ Веры, Отче наш, то непременно подготовьтесь к обряду крещения, - повторите молитвы". -

- "Стыдно было-бы, перейдя в шестой класс, не знать молитв!" - гордо ответил задетый за живое Вася.

Отец Андрей, поняв шепетильность реалиста, пояснил: - "По обязанности должен напомнить вам это официально. Так полагается. - И в утешение вному куму, обратился к Лиде: - "Ты, кума, тоже подтянись, повтори молитвы. Ведь оба вместе будете читать их перед купелью".

Действительно, молодые восприемники во время крещения были безупречны, четко исполнив всё от них полагавшееся; смутились лишь при "дуньте и плюньте", отгоняя вредные влияния и искушения дьявольских сил от крещавшегося младенца Александра. Лида, неумело держа крестника, немного "срамылась", боясь его вырвать из своих неопытных рук. Но поставленная на помощь Ивановна ловко выручала её, пособляя, управляя и поддерживая ребенка.

На маленьком семейном торжестве в доме Лапиных, в неописуемом восторге, из рук подавшей ему Лиды принял внука дед Петр Александрович и, сияя от счастья, представил его родителям и гостям:

- "Новорожденный казак Александр Игнатьевич Лапин. Прошу любить и жаловать, а главное, вырастить в нем добротного, правовежного, истинного казака. - И, наклонившись к закутанному в нарядное белое внуку: - Мой милый внучек, ты появился на свет полноправным Донским Казаком, осуществив недостижимую заветную родовую мечту нас всех Миловых, переданную нам твоим прадедом Александром Матвеевичем. Носящий его имя ты, казаченок, олицетворяешь собой наши семейные упования. Мы, здесь присутствующие дед и дядя, - твой крестный, - оба родившиеся на казачьей земле и воспитанные в казачьих школах, дальше Донской Области нигде не бывавшие, впитавшие в себя все казачьи устои, символ казачьей веры, но, увы! - в родном нам крае иногородние, как бы сказать, чужие, некоторого рода "иностранны", крепко любящие свою донскую родину, - мы оба, отец с сыном, смотрим на тебя, детка, с великой надеждой и завидуем твоему счастливому званию полновесного казака. Это звание иногороднему ни купить, ни выпросить, а можно только заслужить, заработать нерукотворным делом. Казачье звание жалуют достойным по приговору станичников, оценивших заслуги иногороднего перед казачеством. Начальство лишь утверждает приговор Станичного Сбора, узаконивая принятие в казачье звание, даруя его согласно воле народа. Ты-же, внучек, рожден истинным казаком. Поэтому будь беспредельно верен казачьим заветам и традициям, честно носи свое казачье имя нам на радость, всем на утешение. Бог тебе на помощь". - И, подняв докол, закончивший речь Милов воскликнул: - "Казаку Александру Игнатьевичу Лапину много лет!" -

Встрепенутый громким многолетием и звоном посуды Шурик заплакал. Лида поспешила унести его в спальню и там, как заботливая мать, переложив в сухое, начала баюкать крестника:

Улетел орел домой,
Солнце скрылось за горой.
Бау-бау-бау-бай...

Но успевший уже соскучиться по внуку прошедший на него взглянуть дед, услышав невесту Лиду, перебил её:

- "Казаченку надо петь: "Богатырь ты будешь с виду и казак душой".

Лида, стараясь не разбудить ребенка, тихонько начала напоевать лермонтовскую "казачью колыбельную песню". Петр Александрович, не отрывая глаз от детской постельки, в сосредоточенно-благоговейном молчании слушал и, сладостно улыбаясь, страстно припал устами к маленькой ручке внука, потонув в непередаваемых, испытываемых только родителями, кровно родственных чувствах.

П. А. Соколова.

РАЗГОВОР.

Без конца пеставшая и всей душой привязавшаяся к крестнику вошедшая в роль нежной матери Лида часто ходила навещать его, несмотря на то, что Лапины переселились далеко к Троицкой церкви.

Возвращаясь после впервые увиденной улыбки Шурика, полная материнской радости крестная шла домой в сопровождении Васи и возбужденно щебетала с ним по поводу большого события, каким для них обоих была эта младенческая улыбка их крестного сына. Придя домой, она поспешно всем возвестила о начавшем улыбаться крестнике, похвасталась и Агафону с Ивановной: - "И я рада, и Вася рад". - И, доложив, сейчас же убежала из кухни.

- "То-то дети..." - бросила ей вслед рассмеявшаяся Ивановна.

- "Ишь как малые кум с кумой сдружились. Славный паренёк этот Милов. Восхищался кучер и с какой-то затаенной мыслью добавил: - "Жаль, что их покумили".

- "Что и говорить, - хорошая пара, а ты жалеешь". - Не поняв мужа, возразила кухарка.

- "Потому и жалею, что хорошая пара потом была-бы, а им вот взяли, да и порешили: куму с кумой закон не дозволяет жениться". -

- "Ты на тебе! Придет-же садовой голове про детей подобное говорить. Дуже рано". - Укоризненно упрекнула мужа по иному судившая Ивановна.

Но Агафон твердил свое: - "Из детей жених с невестой потом выйдут. А этот ученик пригожий малый и во всем Лидочке соответствует".

- "Он инородный и потому нашей барышне соответствовать не может". Категорически заявила кухарка. - "Лебошто-же её за него выдадут. Не потребно казачке свое звание конфузить". -

- "Чого ти сказываешь "непотребно"; а сама-то ты за мня небось пошла, не поглядела, што инородный". -

- "А иное дело. Сиротой у брата воспитывалась. Вот меня и выдали, сдыхама, как гору с плечь свалили. Таков уж наш сиротский удел: либо за какого вдорца, либо за русского. - И, тяжело вздохнув, Ивановна, горестно поняла на судьбу: - За казак-бы в своем доме тепереча жила, была-б хозяйкой, а с тобой век хрип гни в наймигах". -

- "Хозяйкой за казак-бы ты подтыканная и затыканная, на солнце пеклась, косила-бы и молотила, а тут в холодке сидишь. Личика-то у

тибе нежененькая, как яичко. Раскохалась, а всё скулишь. За мной тебе жить легче". -

Но Ивановна продолжала свои доводы: - "Наша бабья доля ишо туды-суды. Хоть среди казачек я и отрезанный ломоть, вышла из строя, но баба меньше упреков. А вот, к примеру, мой хуторец Аким Носаев женился на иногородней, так ему в полку то и дело пихали: - "Молчи ты, у тебе жена хохлауня". - А ему и говорить нечего. Конечно, люди перемалкивают, но он и сам это чувствует. А уж по пьянке с кумовьями язык-то развязывается и сам Аким раз за рюмкой аж до слёз плакал, признавался: - "Чувствую, говорит, на хуторе глухой упрек. Жена-то моя, говорит, неплохая баба, работяга, говорит, а вот, коли при всех, то сидит в уголочке, хмётся, как пришибленная, чужая, хоронится, в круг не идёт, вроде, виноватая". - Так и жалился Аким, что, мол, каица, стыдица жёны глупички. Само собой, оно-ж ведь понятно, - не к шубе рукав". -

Агафон не выдержал многословия супруги и строго на неё крикнул: - "Цыц! Замоли ты! Ишь, бывшая казачка расхотелась, раскудахталась, всеёгокала. Всё тобой сказанное, етели трошки и правда, то происходит среди простых зипунников по недомыслию и казачьей анаберии. У цуцких этого нету. Они иногородними не гнушаются. Вышла-же недавно за ветинара хорошая и дородная, как кровь с молоком, наша соседка Ольга Ивановна Зубова.

На этот пример Ивановна возмутилась: - "Хыть-ты! Эта ишо, шепелявая недоговора: "пу-ть-ть-ть". Путятелька какая-то, а не девка. - Презрительно, с нескрываемой досадой, смешанной с сожалением, передразнила она Ольгу Ивановну, наградив её насмешливой кличкой. - Казак, должно быть, на неё не позарился, так, хоть и за образованного конского доктора, но за мужика пошла. От стыда скорей с мужем из станции уехала, как хмыл её взял". -

- "Но плоти, дурёха. Он новую должность иде-то получил. Поэтому и уехали". -

Скрыто скорбящая о потере своего казачьего достоинства Ивановна, с душевной болью, вдруг, откровенничала:

- "Може и так, конечно. У них жисть иная. А наше дело простецкое. По станции топчуся я среди сватов и деверей. Жаловаться ни на кого не могу. Они все со мной с шутками и прибаутками, но уж нет в них того душевного и свойского, чего я на век лишилася. Всегда чувствую, что от родной семьи отщеплённая и эту боль не могу ни заесть, ни запить; эта скорбь отвергнутой день и ночь всегда гложет меня, как ржавь железо точит". -

Раздавленная переживаниями Ивановна, точно виноватая, вдруг, съезжилась, покорная и размякшая. - "Ты прости меня, Агафон Бёдрович, за извинту тебе моя болость. Ты мне добрый супруг, не обижашь, блюдёшь и приголубливаешь. Спасибо тебе и не осуди за высказанное". -

С глубоким мужу поклоном, утерев завеской навернувшиеся слёзы, закончила свое признание бывшая казачка.

- Агафон, обняв жену за плечи, неуклюже-ласково её утешал:

- "Каждый народ гордится своим достоинством. Свое родное каждому дорого. Сирота ты моя, один я у тебя. Не печалься-же, Ивановна, тудись ближе ко мне, а со сватами и деверями нехай тебе не кажется, что отринутая". -

Аргентина.

П. А. Соколова.

СОЛНЦЕ.

С зарей я выйду на дорогу,
 В поля зеленые пойду
 С своей души сгоню тревогу
 И полной грудью я вздохну.
 Иду я тихо и спокойно
 И жизнь мне, кажется, легка,
 Плынут грядой по небу стройно,
 В сиянии алом облака.
 Пригорки все, в огне пылают,
 Уходит с утрачная тень
 И птицы Бога прославляют,
 Что наступает светлый день.
 Прохладой от деревьев веет,
 Все листья радостно дрожат;
 Восход все больше пламенеет,
 Росники слезами блестят.
 Горит заря на небе ярко,
 Природа чутко солнца ждет,
 Когда теплом и будто лаской,
 Повсюду первый луч пройдет.
 Как хорошо, забыв заботы,
 С природой вместе солнце ждать
 И все грядущие невзгоды,
 Спокойно, как она встречать.

Труа. 25-9-1958.

Но тоже солнце, также греет,
 В далеких, мне родных степях,
 Но не разгонит, не рассеет,
 Весь мрак сгустившийся в сердцах.
 Из тьмы, из стороны холодной,
 К нам в степь пришел чужой народ
 На край привольный и свободный,
 Он наложил свой зверский гнёт.
 Веками он привык батрачить,
 Впитавший рабство с детских лет,
 Не может он понять, что значит
 Для человека правды свет.
 Бог дал нам солнце, чтоб сияло
 Всегда над грешною землей,
 Чтоб своим светом озаряло,
 Природу с дивной красотой.
 Чтоб человек в своей печали,
 В природе путь нашел бы свой,
 Чтобы заманчивые дали,
 Блекли вперёд светлой мечтой.
 Взойди же ярко, солнце Правды
 Над миром чистый свет пролей,
 Лучом надежды и отрады,
 Сердца Казачьи обогрей.

М. Гаврилов.

У ТИХОЙ ВОДЫ.

На высоком нагорном берегу Дона, прислонившись к стволу одиноко растущего ветвистого тополя, стоял и задумчиво смотрел на тихо плескавшиеся внизу воды реки старый, седой, как лунь, казак Меркулий Федотыч Кислов.

В нескольких шагах от него в траве лежала винтовка, наполовину прикрытая скаткой-шнуром, с привязанной к ней жестяной кружкой.

Временами старый казак снимал с головы ветхую помятую фуражку с широким кумачевым околышем, приставлял к глазам сложенную лодочкой ладонь руки и зорким сторожевым взглядом окидывал противоположный берег. Меркулий Федотыч стоял на посту.

Нельзя сказать, чтобы пост его был скрытен. Нельзя сказать также и того, что Мирон Сергеич, вахмистр из купцов, начальник боевого участка станционной дружины, охранявшей от красных правый берег Дона, был настолько неопытен и указал ему, Меркулию Федотычу, такое неподходящее для поста место... Дело не в этом. Мирон Сергеич как был опытным вахмистром, так им и останется... И место Меркулию Федотычу он указал совсем не на бугре и тем более под видимым со всех сторон тополем, а во-о-он под тем мелким дубняком, что балочкой подходит к самой воде... Место уютное, главное - скрытное. Красным, что раскинулись станом на той стороне Дона, в Каргине, в жизнь не увидать бы Меркулия Федотыча, если бы не он сам. Надоело ему, как бирьку какому, сидеть в ложине, захотелось выйти на чистое место, чтобы вид был кругом, кругозор, то - есть... Ну, и вышел.

Вот и стоит он теперь на яру и слушает всплески донской волны... Хороша вода сейчас в Дону... тихая... Так вот и стоял бы над ней да смотрел, как сверкает она, серебром переливается под лучами вечернего солнышка... Славно тут...

Меркулий Федотыч размечтался.

Бывало он, да Петро Слепуха, да Семен Богач, да Иван Чурелин - все покойники, царство им небесное! - выедут с самой весны на рыболовство и рыбалют до самых луговых покосов. Подберут карасей по луговым кугам, едут на донские затоны, ловят щучат, горбыльков, линей... попутно и раков... А как надоест - за белой рыбой на Дон ударяются. Тут уж справа нужна иная. Вентерь, сетка, кошелка тут ни к чему - тут нужны переметы да хлысты с большими крючками, на грузило, под большую рыбу... Потому - стерлядь ли, чебак, или, скажем, язь - непременно требуют глиста, чтобы, значит, на крючке живая насадка была... Схватишься за хлыст, а леска ажнык "брунжить": как ножом разрезает, "секёт" воду... И чумь - ежели не в десять фунтов рыбина, то, по крайней мере, в полпуда...

- "П-п-п-а! - В-з-з!" - грохнул с той стороны выстрел и пуля, цокнув, впилась в тополь. Меркулий Федотыч, как сноп, повалился на землю.

- Игрещ бы вас забрал, окаянные! - проворчал он через минуту и осторожно поднял над травой голову.

Противоположный берег купался в золоте лучей заходящего солнца. Маленький хуторок, занесенный песками, казался вымершим. Только кое-где из труб тянулся вверх кизечный дым, да случайная собака, обнюхивая каждый встречный кустик, пробегала из улочки к пристани, крутилась тут некоторое время, лакала воду и бежала назад в хутор.

- Иде-ж он, стрелец этот?

Меркулий Федотыч, сняв фуражку, подполз, крадучись, к винтовке.

- Обожди, браток... Запримечу - пуду в тебе пулечку... Эй-ей!.. Я, брат, такой... Када осердюсь - извеняй... Поцади не жди... Я, брат, тово...

Старик, бормоча и копошась в траве, зарядил винтовку и снова взглянул из травы, ища прищуренными глазами противника.

- Ага!.. Ага!.. Так вот где ты, треклятый! Ага! Обожди чудок, я-те покажу!

Волнуясь, старик привстал, дрожащими руками, с колена, навел винтовку на далекого, притаившегося за плетнем, врага и выстрелил. И тотчас же вскочил, вытянувшись во весь рост. Бросив винтовку, он приложил ладони обеих рук к козырьку фуражки и, согнувшись над яром, впился взором в еще заметные из-за дали хуторские плетни на другой стороне Дона, где, как ему показалось, прятался враг. Однако, минутой спустя, на его лице отразились непередаваемые досада, гнев и недоумение.

- Ска-а-жите, на милость! - развел широко руками Меркулий Федотыч. Никада до си не давал маху... А теперь, как на грех, осечка вышла!

Долго стоял бы старый казак на виду у врагов, долго сетовал бы на случайность, не позволившую ему сразить "красноголовца", но новый выстрел и близко, около самого уха, свистнувшая пуля заставили его снова кулем свалиться в траву и лежать там до тех пор, пока солнце, скользнув прощальным лучем по тихим водам Дона, не закатилось за горой и не погрузило все в неясные, таинственные сумерки.

Наступил тихий августовский вечер.

.....

Через два часа, под развесистым тополем, спустив ноги к темневшей внизу воде, сидели на краях обрыва Меркулий Федотыч и молодой восемнадцатилетний казачек - Павло Кагдауров, по-уличному - Пашка Стригунок. Павло рассказывал:

- Сидим это мы на полянке..., сидим и разговор ведем. И вот слышим: ба! ба! Что за оказия! Вот тут-тта, Меркул Федотыч, я враз смекнул - это, говорю, Меркул Федотыч палить...

- И в него ка-а-ак садану? А он, брат, в сторону - шмыг! А тогда вскочил и говорю: пропадать, так пропадать - да ище, да ище! Он как побезит! - рассказывал, увлекаясь Меркулий Федотыч. - Думаю - пора-нил! уверенным тоном закончил он.

- Меркул Федотыч, а ево хорошо было видно?

- Как на ладошке! Да-да... Я в него, брат...

- Сидим это мы и ждем, - перебил Павло. - Потом Мирон Сергеич и говорит мне: "Беги, говорит, Павел, к Меркулу. Может несчастья постигла ево - окази содействие! Ну, я, значит, пошел. Пришел на пост, к дубкам, в лошине-што... Гляжу - никово! Я туда, я суда - никово! Меркул Федотыч! - шумлю. Ничево не слышу в ответ. Делать нечево - повернул назад. Прибег я прямо к Мирон Сергеичу. Не нашел, докладаю, Меркул Федотыча. Он суда, я за ним. Ну, а потом слышим, песню как-бутта играет кто. Это был ты. По голосу догадались.

- По голосу, значит? Хе-хе-хе... Песни мы играть умеем. В четвертом донском, с Кременскими, действительную-то отбывал. У них и научился играть.

- Хорошо тут, дяденька, - мягко как-то, после недолгого молчания, проговорил Павло. - Хорошо над Доном сидеть вечером...

Меркулий Федотыч встрепелся.

- Ох, не говори, Павлушка! - с жаром заговорил старик. - До того хорошо, што и слов не найти рассказать!

- Сколько я ночей провел за свою жизнь над ним, над кормильцем! - проникновенным голосом продолжал Меркулий Федотыч. - Бывало, разведем костры в лесу, - а то и в талах, на песку, около самой воды, - как када приходилось, - щербу варим, гутарим... А ночью - на баркас - переметы проверять. Изя вытащишь, скорей в баркас. Изь, как утак, извивается - тово и гряди из рук вырвется... Эх, што и говорить, поелись рыбки!..

- А теперь, выходит, Дон красным понадобился. Отбирать пришли. Чорт их принес, на горе всем казакам! И чево им надо? Мы же к ним не лезем? Ну, и к нам не лезь, не мешай жить! Так нет! Живи не по казачьи, а как они скомандуют!

- Никому не отдавай, Павлушка, Дон! Помни, што ты казак. Отдашь славу казачью потеряешь. Больше всево - берегись вон тех, што красными себя называют и в наших хуторах насильничат и хлеб казачий жрут. Не давайся им, Павлушка! Бей их и вся недолга! Мы их не звали и делать им у нас на Дону нечево.

- Ну, я пойду, пора, - поднялся Меркулий Федотыч. - Я скажу Мирон Сергеичу; штоб прислал тебе помощника. Негоже ночью одному стоять на часах.

Старик раскатал шинель, накинул ее на плечи и, взяв винтовку, направился в лес, на заставу. Павло, оставшись один, замер.

Вскоре издали донеслись до него звуки песни. Старческий тенорок, пугаясь в переливах, повис в тишине ночи, над заснувшими лесом и рекой.

Павло слушал, словно зачарованный.

Слов разобрать было нельзя. Возможно, что их и не было.

- Э-э-э-е-е-е-э-ой-да-ну-э-э... - доносилась мелодия знакомой песни и падали звуки прямо на душу молодого казака, притаившегося, в ожидании врага, у реки. И будили в нем эти звуки старинной песни и любовь к родному краю, и гордость, что он казак, и ненависть, гнев против тех, кто пришел и нарушил покой тихих берегов тихой реки громом орудий и криками или замученных жертв.

9-4-59.

Мантенон.

П. Аврамов.

БОЛЕЗНЬ ИВАНА ИВАНЫЧА.

Лука Иваныч рассказывал:

-... Четвертый в семье, последний, стало быть, из сынов. Старший Григорий Иваныч давно в отделе, двух сынов справил на службу. Минай Иваныч - второй, выходит, по счету - был убит в гражданскую при отступлении за Манич - вдова с четырьмя маленькими деточками осталась при стариках. А третья сына - Ивана Иваныча постигла великая беда.. Вот об нем-то и будет моя речь.

-... До пятнадцати годков Иван Иваныч был как все. Здоровый был такой парнишка, красивый лицом, нрава веселова - все у него со смехом да с улыбкой. Хуторские девчаты, што постарше, начинали уж заглядываться на него. Да он на них мало внимания обращал. То-исть, не то штоб совсем не обращал... - посмеется, пошутит... ну, а дальше-ни шагу. Малец еще был, не ходок еще был по этой части... А вот до чего он был охоч - так это играть песни. Ка-ак он джшканил! Зальется-чистый соловей! Слушают все и удивляются - откуда это у парня берется? За душу всех брал. На весь хутор - да какой хутор! - на всю станцию прогремел. В теплое време - весной больше - играет, бывало, молодежь песни вечером... А песни у нас все старинные, медленные, душевные такие. Хутор-то наш весь, как один, старой веры придерживается - беспоповцы мы... Ну, стало быть, частулки там разные да страдания - новые, модные песни - совсем у нас не играли. Так вот, слушают хуторцы, как джшканил мой братец - высоко, высоко, как гаворонок в небе, водит свои линии, звонко так, без слов - э да ой, чисто плачет, за сердце хватает - красиво получалось! - слушают, говорят, хуторцы, да все в один голос: "это Ванятка Хоперсков! Никто, как он, не может так джшканил. Вот так парнишка!" Очень одобрили все... Да-вить, не только песни играть - братец мой и по хозяйству отличался. Када случилась беда, старший наш брат - он недавно перед тем отделился, - так сказал родителям нашему - Ивану Осиповичу: "эх, батяшка, жалкую я сильно - какова ты помочника в трудах лишился! Как он выручил меня с молотьбой помогся! А-вить, совсем он тогда малец был!"

-... Беда-ж приключилась вот как... Выбег раз Ванятка на улицу поиграть. Дело было перед вечером. Казаки - папаша с Минай Иванычем, на базах, скотину убирать. Маменька - Арефья Василевна с Варварой Игнатовной - супругицей Минай Иваныча, рогацями в ствольке орудуят, вечерять готовят. И крутился тут же, маленький тогда еще был... Только слышим, кричит кой-то, кричит голосом. Кто бы это? А это наш братец Ванятка. Бежит, страсть как хромает, на левую ногу аднык приседает и кричит, и кричит: "ой, порет, маменька, порет! В пятке порет! Ой, больно, маменька, больно!" Кинулись все к нему, скорей в курень, на кровать уложили, пятку осмотрели, ничего не нашли. А братец все кричит,

все кричит: "Больно! Больно! И весь в слезах..."

-... Дело обернулось так - два месяца Ванятка кричал, не переставал ни днем, ни ночью и как слег - так два года и пролежал... Левая нога его стала пухнуть да с каждым днем все больше и больше... По всему телу высыпали какие-то язвы, как бы пятнами... А по середине каждой объявились свищи... И не закрывались до самого конца... Вот горя-то натерпелись! Сам страдалец-больной на себя не похож стал. Высох весь, кожа да кости. И уж не кричит - сил больше не было, лежит и жалостно так смотрит на всех. Рука правая стала отниматься у него. Как лежал на ней первые дни болезни, так она и осталась согнутой в локотке. А двинуть ей, поднять ее не может. Што тогда делалось с маменькой нашей Агафьей Васильевной! Вся извелась, дни и ночи не отходила от больного. Исхудела вся, вот-вот сама свалится. Толька и видишь, как она то плачет - слезами исходит, то молится - с коленок перед иконой не подымается. Все тогда испробовали, все перебрали, чтоб облегчить мученья больного. Все лекарки и ворожки, и с нашава и других хуторов, пер-бывали у нас. Шептали молитвы, заговаривали, арызгивали свяченой водой - ничево не помогало. И вот тут, када все испробовали, порешили позвать доктора. Свездмили в Костянтиновскую, привезли. Много раз потом приезжал он к нам. А каждый раз увозил барана или телочка, .. платили и деньгами. А Ванятке все не было лучше. Хоть надо сказать, стенать он перестал, нога, видно, меньше болеть стала.

-... И вот услышала раз маменька, што один из хуторцов - старый человек, на покое уж хил, не работал, - говорил будто кому-то из соседей, што он знает какая болезнь у Ивана Иваныча, а, главное, знает, как ее вылечить. Метнулись к нему.

- Ради Бога, помоги! Век будем за тебя Бога молить! Вить, парнишка-то славный такой и так его жалко!

- Хорошо, говорит, помогу я вам. Жалко мне стало вас, хоть и обидно, што к этим нехристям - докторам обратились. Што они могут? Опоганили только вас да в грех ввели.

- А болесть Ванюшки мне хорошо известна. У него в ноге заведлись черви. Черви эти малые размалые. И ос очками их не увидать. И грезут они тело вашава сыночка.., и не сидят в одной ноге, а по всему телу расползаются. Видали сами - и на грудях у него, и на правой лопатке, а также под правой коленкой дырки. Это свищи и эти свищи прогрызли черви. Чуть зарастет свищ - червяк возьмет да и прогрызет его опять..

- Помоги, родной!

- Да што-уж там. Сказал помогу, значит - помогу. Жалко мне Ванюшку и выгоню я из него всех червей.

И велел старик зарезать черную курицу, удалить из комнаты больного всех людей, чтоб тихо было и чтоб больной один был. А на распущенную ногу его, кровоточащую, положить ту зарезанную курицу. И чтоб пролежала эта курица на больной ноге целую ночь. За ночь червяки должны были выползти из ран и войти в черную курицу.

Сделали так, как велел старик.

Пролежала курица на Ваняткиной ноге всю ночь, а толку никакова, не получилось - ни одново червяка мы не заметили.

Гутарили на хуторе об такой неудаче. А знахарь-старик на нас все свалил:

- Опоганили себя Хоперсковы перед Богом, позвали докторов. Вот Бог их и наказывает.

Пришлось опять ездить за доктором. И вот братцу нашему, страдаль-

цу несчастному, будто полекшело.

А перед тем, чуть не помер. Лежит белый, как стена, сухой весь - кожа да кости и глаза закрывает, точно ему глядеть на свет Божий.

-...Маменька наша - Агафья Васильевна, сама чуть живая от горя, как тень стала, видит, што дело, как будто, идет к концу. Дала она знать бабе одной, што отпевала у нас покойников. Баба пришла, поглядела и говорит:

- Не бывать в живых добру молодцу. Надо петь погребальную.

Отпела.

- А када отойдет - накажите, спор "Вечную память".

А Ванятка опосля этого и на самом деле отошел. Да не на "тот свет", как думала баба-отпевальщица, а сразу как-то очунел. И пошел, шибко так, на поправку. Через полгода он уже был на ногах. Свишчи пропали, позакрывались. Больная нога короче стала на целый вершок, а около щиколотки выросла бугром кожа. Пальцы остались, а у подъема шишка - как кувалда нога стала. И обувку ему с того времени стали шить на заказ.

-...Ни с того, ни с сего - пропал парень. Хоть и стал ходить, а все-ж - камека. И песни опять заиграл и характером остался веселый..., а все-ж - хромой... Страдает и поныне. Раз в две недели, - акуратно так, - начинается у него в ноге боль. Такая боль, што Иван не может терпеть и кричит в голос. Два дня покричит, а опосля две недели отдых. Работать понемножку начал... Но какой уж это работник, горе одно... Эх, жист!

П. Аврамов.

В Т У М А Н Е.

Огонек чуть мерцает в тумане,
Скоро, скоро погаснет совсем;
Вся душа истомилась в страданьи,
Никогда не утешит ничем.

В этом мраке зловещем и темном,
Даже неба нельзя увидеть
И по миру бродягой бездомным,
Должен ты, своею долю искать.

От тумана все плачет росой,
По полям ходит волком тоска
И идешь ты с усталой душой,
На мерцающий свет огонька.

Не страшись и не бойся тумана,
Не погаснет огонь никогда,
Для тебя он горит неустанно,
Вековечна казачья мечта.

Вдруг, вдали тишину нарушая,
Разнесется призывный набат,
Солнце выйдет туман разгоняя,
Ты увидишь отчизну опять.

Труа.

М. Гаврилов.

ДВА АРЕСТА Ф. Д. КРЮКОВА.

О первом аресте моего отца - Федора Дмитриевича Крюкова, после подписания им, как депутатом от Области Войска Донского I-й Государственной Думы, весьма известного в свое время "Выборгского воззвания" мне известно только по семейным воспоминаниям и рассказам станичников, живых свидетелей этого, далеко немаловажного по тому времени, события, так как я был еще ребенком, не отдававшим себе отчет во всем происшедшем вокруг меня. Уже впоследствии, в годы отрочества и юности, я узнал о том, как был арестован мой родитель и как реагировали на это казаки нашей - Глазуновской станицы. К сожалению, прошедшие десятилетия вытравли из моей памяти хронологические даты и я не в состоянии теперь сказать точно: когда именно, - в каком году, месяце и дне, в станицу приехал судебный следователь, в сопровождении жандарма /не обыкновенного стражника - низкого чина так называвшейся "Государственной стражи", а представителя отборного войска в распоряжении министерства внутренних дел - корпуса жандармов/. Во всяком случае я могу рассказать сущность этого события.

Приехавши в станицу, судебный следователь прежде всего вызвал к себе на "взвезную квартиру" станичного атамана /урядника Ананьева, "по улишному" - Барабан или Барабошка, и спросил его о местожительстве Федора Дмитриевича Крюкова, когда он прибыл в станицу, чем занимается и прочее.

Заказав земских лошадей по специальному ордеру, судебный следователь с жандармом направились к нашему куреню, стоявшему как раз на углу так называемой "Атаманской" улицы и церковного майдана, в самом центре станицы, окруженном по двум улицам и двум переулкам в ближних кварталах куренями станичной интеллигенции, двумя училищами и несколькими магазинами. Приезд представителей не своей, а "русской", как говорили казаки, - в отличие от своей казачьей и Войсковой, власти, разумеется - моментально стал известен всей станице, с ее десяти тысячным населением, из которого чуть-ли не больше двух третей было старообрядцев. О цели приезда уже подозревали, а когда "махальские" увидели следователя и жандарма стучащими в "паратню" дверь нашего куреня, то по всей станице молнией пронеслась весть: "Федора Митрича приехали забирать!.."

Неизвестно: по чьему почину - охочие "сполошные", кто на оседланных конях, а кто наспех-охляпью, помчались по всем станичным хуторам, из которых самый ближний был в пяти километрах, а дальний - не меньше двадцати. Все население станицы от мала до велика, кто с чем попало, - с вилами, с топорами, с кольями, запрудило весь церковный майдан, церковную ограду и паперть и все подступы к нашему куреню. Многие из казаков прибежали при шашках, кое-кто захватил с собой старинные турецкие и червешские винтовки, дробовики и охотничьи "берданки", так сказать: "на всякий случай". Бабы - казачки стояли попеременно с казаками но являлись наиболее беспокойным и воспаляющим элементом с их громкими вскриками, далеко непочтительными не только по адресу приехавших "непрощенных гостей", но и по адресу центрального правительства и даже самого царя.

Положение было настолько опасным, что по рассказу бывшего при станичном Правлении, находившемся на другой параллельной "Атаманской" - "Правленской" улице, десятника Григория Андреевича Полупанова /"по улишному" - Возряк/, - станичный атаман созвав всех "правленцев" и "сидельцев" строго-на строго приказал, что "мы ничего слыхом не слыхали

и видом не видали", но подозревая самого молодого из "сидельцев" - "кутонка", наказал ему, оставив шашку в "сидельской", через базы добраться до нашего куреня и наблюдать за происходящим и в случае чего - немедленно доложить ему.

Рассказывая это мне, Григорий Андреевич покрутил головой и за-смеялся:

- "Что какой ушлый антибел! Ни пошел по базам, а залес на крышу царя и ему все чисто видеть и слышать!"..

Курень наш был построен "глаголем", т.е. в форме заглавной буквы "Г", верхняя /горизонтальная/ часть которой представляла "старый" курень, построенный моим предком Иваном Гордеевичем Хриковым, войсковым старшиной в отставке, а нижняя /вертикальная/ часть - "новый" курень, пристроенный к "старому" моим дедом - Дмитрием Ивановичем, в первый "срок" его станичного атаманства, на котором он в конце четвертого "срока" и умер. Оба куреня состояли из двух комнат. В "старом" находились столовая и спальня; в "новом" - рабочий кабинет отца и "горница". Вдоль "нового" куреня по внутренней стороне "глаголя" шел коридор с "паратьней" дверью и рундуком на церковный майдан и с "карид" дверью в большой палисадник. Окна столовой выходили в палисадник с одной стороны, а с другой - "на базы", с старенькими "клиголем" и "летней кухонькой", конюшней, сараями, сенником и прочими постройками, необходимыми для казака - земледельца. Пищу никогда не готовили в курене, а во флигеле или кухне.

Допрос следовательно делал в столовой. Он видимо чувствовал себя в неловком положении, т.к. сам был Донской казак /фамилии, к сожалению не помню/ и вряд-ли для него было приятным арестовывать и препровождать моего отца в Петербург. Допрос велся в очень вежливой форме, причем следовательно, краснея, поминутно извинялся, ставя некоторые, по его мнению "цокотливые", вопросы.

Входящая из столовой зачем-то в горницу /с окнами на майдан и Атаманскую улицу/ старшая сестра отца - Евдокия Дмитриевна, глухонемая с семилетнего возраста /ее сбивла перепуганная тройка лошадей и переезжала санями во время Масленицы/, спустя несколько минут вернулась обратно к своим особым, понятным только семейным, да близким соседям, языком стала говорить брату:

- "Ты помяди на улицу: быть беде! - Казаки все с шашками и с ружьями а баби с дрычками, ай с чекмарями".

- "Что говорит Ваша сестра, Федор Дмитриевич?" - поинтересовался следовательно.

Отец перевел ему непонятную речь моей крестной. Жандарм удивился: - "Кто мог созвать их и для чего?"

Следователь хмуро ответил: - "Никто их не созывал, а сами собрались, но если с оружием, то дело ясное: нас с Вами отсюда живыми не выпустят!"

- "Нужно предупредить атамана, чтобы разогнать толпу, а в случае чего - поскать конного на телеграфную станцию /в то время в Глазуновской не было телеграфа/ и телеграфировать, чтобы прислали срочно отряд солдат," - нашел нужным сказать жандарм.

Следователь отмахнулся рукой, как от надоедливой мухи:

- "Во первых - до атамана никто из нас теперь добраться не сможет; во вторых - неизвестно: не окружено-ли и станичное Правление, а в третьих - приведите сюда солдат и весь Дон забухнет! Да и не один он!"

Мой родитель, немного подумавши, предложил следовательно:

- "Разрешите мне поговорить с моими станичниками и успокоить их. В противном случае дело может принять действительно большие и совершенно нежелательные размеры".

Оба представителя центральной власти изъявили полное согласие.

В это время по Правленской улице, направляясь к нашему куреню, ехала земская тройка. На углу переулочка, ведущего к церковному майдану, толпа казаков остановила тройку. Послышались крики:

- "Ты где едешь Гаврила?.. Гляди, кабы мы тебе не поучили трошки!"

- "Дни я ить по приказу", - отвечал кучер, он - же хозяин "земской почты".

- "Ты с приказом обожди чудок, а то мы ентим прикащикам зарас шпантинку вирутим!".

Тройка остановилась. Крики и гомон на майдане вдруг стихли и по толпе пронеслось тихое: - "Федор Митрич!".

Отец вышел на "паратный рундук" и поднял руку:

- "Помогите чудок, мои родные станичники!"

Старики "зашумели" по старинному:

- "Помолчи, честная станица Глазуновская! - Федор Митрич труженку гньоть!"

Перед стихшими Глазуновцами отец объяснил создавшееся положение и сказал, что он, "веря в высочайшее правосудие", отправляется в Петербург не насильно, а по своей "доброй" воле и что нет никаких оснований беспокоиться за него, а тем более угрожать представителям закона и власти.

Видя, что казаки успокоились, следовательно тоже вышел на рундук и сказал:

- "Станичники! Я сам - казак, но поступаю по закону. Федор Дмитриевич сказал правильно, так что вы спокойно расходитесь по домам. Земская тройка должна зарас приехать, да что-то запоздала".

Толпа захохотала. Послышались крики:

- "Дни она тут, Ваше благородие! И то это мы её трошки задержали!".

Толпа дала проход тройке и, сопровождаемый напутствиями своих родных Глазуновцев, отец поехал в Петербург "на высочайшее правосудие": несколько месяцев в знаменитой тюрьме "Кресты" и пожизненное запрещение жить на Дону, через некоторое время смягченное разрешением приехать в родную станицу "на летние каникулы", не превышающими сначала двух недель, а потом одного месяца. Во время пребывания на Дону отец должен был находиться под негласным полицейским надзором.

В "Крестах" он познакомился с казаком Кременской станицы Каменным /кажется его звали Виктором/, служившим в Лейб-гвардии Атаманском полку. При обыске в казарме у него нашли "революционную литературу" и, в ожидании суда, он был посажен в "Кресты". Вероятно отец мой пользовался, как депутат Думы, некоторыми привилегиями, которых не давалось военным, попавшим под суд "по политическому делу", т.к. Каменев не получал ни писем, ни денег от семьи и сам не имел права писать. Отец тайком на прогулке давал ему денег, а потом через свою семью налаживал связь с семьей Каменева и давал ему сведения о родных. Это знакомство сослужило большую службу отцу в 1918 году.

После суда и выпуска из тюрьмы отец был приглашен В.Г. Короленко, главным редактором крупнейшего ежемесячного сборника "Русское Богатство", в качестве редактора беллетристического отдела.

Не помню уж: когда последовало "высочайшее указание" - предоставить на усмотрение Наказного Атамана Войска Донского генерала барона

фон-Таубе вопрос о разрешении "нашему потомственному дворянину, статскому советнику и кавалеру орденов св. Станислава и св. Анны, Федору сыну Дмитрию Крюкову" приехать в родную станицу на две недели в году "во время каникул, связанных с родом его службы".

И помню, как отец со смехом рассказывал о своей встрече в Новочеркасске с бароном фон-Таубе.

"Меня провели в его кабинет и почти тотчас-же вошел через другую дверь в Таубе в фуражке: как видно где-то был.

Он положил фуражку на стол и, слегка отвернувшись винтом из кармана револьвер и сунул его под фуражку. Должно быть у него было обо мне представление, как об опасном революционере, да еще, пожалуй, и террористе!

После приема он перекрестил меня и сказал: "ну, идите и больше не грешите".

Бог его знает: знал-ли он в чем заключались мои "грехи"? Наверяд-ли!"...

/Окончание следует/

П. Ф. Крюков.

ДИКИЕ ГУСИ .

Пролетели над степью высоко,
Гуси серые теплой весной,
Над моей станицей далекой,
Над родной казачьей землей.

Прокричали тоскливо, тревожно,
Предвещая приход теплых дней,
Над простором, как встарь бездорож-
Стало будто опять веселей. /ным,

Вдаль летят гуси с жалобным криком,
Над станицей родной в высоте,
Встрепенулись в надежде великой,
Все сердца казаков, как в мечте.

Труа.

Улетел бы, как гуси в путь дальний
И неволи не знать никогда,
Не видать больше всех тех страданий
Что Казачество терпит тогда.

Что нам солнце, весна, пробуждение,
Все равно нам свободы здесь нет,
Истрадалась душа в ожидании,
Нет и сил бесконечно терпеть.

Гуси, гуси нам в мире закрытом
Может быть, на весну в другой раз
Возвестите вы радостным криком,
Что весна наступает для нас.

М. Гаврилов.

Г Р У Ш Е В И К .

/Глава из повести "Хутор Буерак-Попов"/

По окончании уборки лугов хуторяне спешат на степной покос, чтобы во-время скосить траву и не дать ей перезреть.

- А то будет, как солсма: ломаться в труху и потерять запах, - говорили хуторяне.

Хороша степь в начале лета. Яркими цветами, сочными травами и морем зеленевших хлебов, как пестрым ковром покрыты ее необъятные просторы. На все лады поют и щебечут птицы. Безумошку стрекочат кузнечики и стрекозы, звенят сверчки и разные букашки.

Истреба, кобчики, луни и коршуны реют в воздухе, а над ними, в небесной выси парит орел - курганник. Жаворонки висят в воздухе и выводят свои звонкие трели, перепела и дергачи кричат в траве.

Несмолкаемый птичий хор, дополняемый свистом, писком, стрекотанием тысячи насекомых разносится по степи.

- Загуляла степь! - говорят косцы.

Потной грудью дышит степь ароматами своих цветов, трав и хлебов. Но вот засверкают по ней косы и покроется степь рядами скошенной травы. После, повсюду, как сторожевые вышки, покроют её стога собранного душистого сена.

Лябит пахарь свою кормилицу землю. Луга, степи и нивы - вот его добро, где он в поте лица добывает хлеб свой и благодарит Творца, что Он даровал ему, эти земные блага.

Казак Андрей Воронин, со своим женатым сыном Семеном, снохой Татьяной и двенадцатилетним сынишкой Миколкой приехал в степь на покос и расположился станом на южной стороне Грушевника. Грушевник - это название большой степной балки, служившей границей между толочной землей с одной стороны, пахатыми полями и степью с другой. Эта балка покрыта небольшими дубками, вязками, лесными яблонями и грушами, терном, кагальником, заросшим сорной травой и бурьяном. В этих зарослях водилось много разной степной птицы, находили там убежище зайцы, лисы, хори и другие мелкие зверушки.

В середине Грушевника был большой обрыв, на дне которого образовалось маленькое озерцо - плес, питаемое родниками, вытекающими из отвесной стены обрыва. На несколько верст кругом в степи не было воды, поэтому в Грушевник с разных сторон казаки гоняли поить скот и лошадей, брали там питьевую воду, летом собирали лесные ягоды, яблоки, груши и терн.

Грушевник издавна считался каким-то страшным местом. По хуторам о нем ходили разные фантастические рассказы.

Будто бы в Грушевнике водилась какая-то нечистая сила, где-то зарыт клад и когда-то здесь жили разбойники, а теперь их души бродят по Грушевнику и просят прощение у людей за свои грехи.

Когда спустится над степью ночь, в тущобах Грушевника кричат сычи, щелкают совы, по кустам и бурьянам бегают, шуршат разные девушки, издавая пронзительные звуки.

Тогда, действительно, кажется вам, что Грушевник страшное место. Но не все жители хуторов верили этой легенде. Вдоль и поперек ходили они по Грушевнику в любое время дня и ночи.

- Ты, Татьяна, брось греть, иди кашу варить, - приказывает ей свекор Андрей.

- А ты, Миколка, веди коня поить в Грушевник, да, кстати, привезешь боченок воды.

- Да, я боюсь туда итить, - чуть не со слезами отвечает Миколка.

- Ишь, поди ты с народом: наговорили про Грушевник всякой ахинеи, а теперь вот и пужают людей. Чуть ли не домовые ходят ночью по Грушевнику... Скажи пожалуйста, чаво придумали знахари! Семен, иди ты. Ты тоже боишься?

- Чаво боюсь! Бабы сказки, - ответил Семен, взял коня, перекинул ему на спину боченок и пошел вниз по дорожке к обрыву за водой.

Стемнело. Воронины уселись около тлеющего огонька вечером. По дорожке от водопоя слышен был лошадиный топот и фырканье лошади.

- Ну чаво, испужалси, - услышался голос в темноте,

- Иди - и!

- Чаво Бог несеть? - спросил Андрей в сторону приближающегося к ним человека.

- Здорово дневали! - подойдя ближе к огоньку сказал тот.

- Слава Богу, - ответили Воронини.

- Ты, да это ты, Ермил! А я сразу и не узнал тебе, думаю, кто это ночью идет из Грушевника? Сядь с нами вечерить, - предложили Андрей.

- Нет, спаси Христос... Наши теперь идут мне с водой, - ответил Ермил.

- Вы где комите? - спросил Семен.

- Вот там, на изволоке, у Гетманского шляха.

- Это где ваша старая гумно была?

- Да, там, - подтвердил Ермил.

- Ну, как трава? Как идет покос?

- Да ничаво: есть овсяк, донник, вострик, но и артанду не мало...

Да вот беда, Фекла моя захворала.

- А чаво у нее? - спросила Татьяна, подруга Феклы.

- Да кубить ничаво, до обеда грела, а потом зарезал у нее живот, да и зарезал, говорить: не могу греть. Отец сказал ей:

- Если дойдешь сама домой, так иди и зайди к бабушке Софьи, няхай тебе наговорной воды дать. - А я сказал Фекле: лутчи обратись к Новой Казацке, она дже помогает, на травы и на камень наговаривает... Вить её дже в станице знают и едут к ней лечиться. Фекла помла. Как-нибудь дойдет до кутора с поддичкой.

- Ну, да кто нибудь подвезет; теперь много подвод идет по дороге - заметил Андрей.

- А к вам, дядя Андрей, с нуждой, - заявил Ермил.

- С какой?

- Да у нас пирогов не хватило и отец просил захватить к вам занять пирог.

- Это можно. Татьяна, дай яму пирог, - приказал Андрей.

- Ну, спаси Христос, - благодарил Ермил, кладя в торбу пирог и собрался ехать на свой стан.

- Ну а как у вас насчет хлубов, - спросил Андрей.

- Да, Слава Богу... Пашаница в Гарачах уже выколашивается, имень и просо тоже пускает колос.

- У нас тоже, слава Богу, хлеб хороший. Теперь, если Бог пошлет дождичка при наливке, так можно ждать урожай, - сказал Андрей.

Пороворив еще немного, Ермил сел на коня и, попрощавшись с Воронини, направился к своему стану.

- А на ярманку собираетесь? - крикнул ему вслед Семен.

- Та то как-же, собираемся, - ответил Ермил и скрылся в темноте.

- Ты, Семен, гляди, чтобы коне не отвязался и не ушел в пашаницу, - сказал ему отец, ложась спать на рядок скошенной травы.

- Нет, не отвязется, - ответил Семен, собираясь на ночлег под арбой.

- Что-то зарница сверкает, - заметил он.

- Может быть к дождичку, - отозвался Андрей.

Над Грушевником спустилась тихая, степная ночь. Попржнему кричали свичи - сплю, сплю, рокотали совы, пели соловьи, да молодые выводки куропаток выбегали из бурьянов в поле на корм. Сладко спать косцы на душистом сене. А ранним утром вновь засверкает их косы в лучах восходящего солнца. Проснется степь, запоет, защебедет, застрекочет, разнося свой аромат по своим просторам.

И. Тапкин.

ОРЛЫ БОЕВЫЕ.

Куда улетели орлы боевые,
Что жили у нас на степи?
Пали сраженные в битве,
А те, что уцелели, ушли.

Мечем защищали они край родной,
Платили за это ценой дорогой,
Улетели они за моря, океаны,
Но все же мечтали вернуться домой.

Настанет время, когда наши люди,
Орлов начнут вновь вспоминать
О песни о них создавая красиво,
Везде будут их воспевать.

Изменится время, когда орлы наши,
Вновь крылья начнут расправлять,
Поднимутся быстро к небу высоко,
Чтоб край наш родной защищать.

Лететь они будут над морем
В цветущий наш край золотой,
Где юный орел им вострубит,
Готовиться к битве большой.

Врага сокрушат моментально,
Чтоб он не успел отступить,
Чтоб помки его были разбиты,
Если смерт к орлам подступить.

Орлиные танки стальные,
Врагов будут бить и громить,
Сплошной стеной их окружают
И заставят оружие сложить.

Не выдержав боя с орлами,
Враг будет стремиться уйти,
Он будет искать себе места,
Куда бы он мог отойти.

Орлы расвиревши как звери,
Расшматуют врагов на куски,
Чтоб не было мерзости этой,
На нашей цветущей степи.

После боя трубач заиграет,
Чтоб орлы собрались на степи,
Их встретят с великим восторгом,
В день ранней цветущей весны.

Не станет врага на равнине,
Там мир водворится в тиши,
И будут орлов слышны песни
О том, как развилась они.

И будут цвести их станицы,
Как прежде цвели они там
И жить орлы будут как птицы,
Где Бог им добро посылал.

Тогда восстановится слава
О подвигах славных орлов
И вновь их зардеют знамена,
В стране их любимой родной.

Иван Вишневецкий.

ШЕСТЬ БРАТЬЕВ ФОМИНОВЫХ - Казаки.

/продолжение/

Было темно, Лазарь видел и слышал наш приезд. Мы выбрали коней, в них был заложен фураж. После ужина я погнал к колодцу коней напоить; я тянул воду журавлем, сзади меня кто-то повис в темноте на плечи; это было нежное женское тело, эта была Соня.

" Мимишькая, что с тобой?

- " Я была больная, целый день тебя не видела, где ты был?

- В станице Каменской.

- Что видел и слышал?

И ничего не сказал.

- И приду к тебе, ожидай Соня; не приходи, я сегодня очень разволнован; меня ни ты, и никто не может успокоить, только сон".

Я завел коней в конюшню, зашел в курень к своей койке, разобрался и заснул спокойным сном от такого волнения.

На утро я встал, привел себя в порядок, пошел для порядка волов, коров и лошадей; я все сделал. Иду в курень. Лазарь за всем моим движением смотрел. И захожу в курень; смотрю в нас Ягорь Фоминов, Сони

отец. В меня явилась мысль - наверняка он пришел что-то сказать за меня и нашу любовь с Соней; оно оказалось наоборот, моего отца спрашиваю как там в станице Каменской; они собираются ехать с женой. Мой отец всё рассказал; это было в пятницу, в субботу они едут продать пшеницу и купить что им нужно; он все время зорко смотрел на меня, попрощался и пошел. Я проводил его за ворота.

- Досвиданья, сват!

Я занялся своим делом. Лазарь следит за мной. Мы встретились.

- Ты что не приходишь, что там нового в стан. Каменской, приходи сегодня вечером!

- Я ответил: "Не имею время; мне нужно вечером подбить подметки бабушкиным ботинкам, завтра приду вечером!"

Вечером я пошел воду наливать с колодца; отец пустил волов, коров, коней, овец. Я быстро тяну воду, слышу "гугу". Это Соня стояла между скирдов, дает знак, что придет. Управили всю свою животину, по-вечерили. Я пошел в постель, тихо открыл окна переступил, выхожу на улицу. Соня ожидала, мы пошли дальше.

- Стой, я тебе что-то скажу: папа, мама завтра поедут в стан. Каменскую, а вернуться в воскресенье вечером; ты завтра вечером при-идешь к дяди Лазарю, прииду и я, то же вечером!

Я пошел к Лазарю; пошли разговоры за кадетов; дошло до того, я говорю: "а ваша сволочь сапатая вытнула мою кокарду и потоптала лап-тими, хорошо сделали? Да и ты не лутча от них, свой веру променял на хлыстунскую, да ище хочешь наше нажитое делить поровну; прииди на баз, я тебя убью, как собаку: озлил Лазаря; от открыл двери.

- Вон с дому, кадеты научили тебя!

Немного на улице спорили. Слышу голос моего отца:

- Довольно орать, иди спать!

Лазарь хлопнул дверьми, пошел в курень; слышу отец тоже. Сел я на дубу, закурил; смотрю вправо с под угла машит платочком. Я пошел; это была Соня. Мы пошли другой улицей, направления до их двора, стали под стенкою; она говорит: -"Постель готова; идем, опасность нам не угрожает!"

- Нет, Соня, это верная ловушка!

- Нет, идем!

Я думаю: пойду её присплю, а потом уйду, и оба разом заснули, в закрытой крыльце. Слышим кто-то стучит; я отозвался: - Кто это?

То была мама Сони. Я открыл двери; мать кричит: "Скорей, Соня, женилась бы!"

Я выскочил; отец за мной гоняет кнутом, порит; мать Соню на крыльце перетрепки дает.

Я пришел домой, лег в постель, заснул; день воскресенья.

Заходит мама в курень. отец: "Ну, что, в ночи твоего сника женили?" Кто? "Егор Шомин."

Отец отвечает: "Дурак он; зачем вмешивается да молодых".

Мама заходит в мою спальню: "Собирайся в церковь!"

- Я не пойду; вы, бабы, раззвонили, что все знают!

Много я слышал плохо отзывались, а самое главное Лазарь.

И вот эта сволочь руская сапатая, начала грабить казаков: ограбили стан. Гундоровскую, а потом стали Хутора.

Я крикнул: -"Сват Лазарь; видишь что ваши смаркачи делают, и в станице нашей гарнизон стоит."

Тут сразу все хутора восстали. выгнать с станицы, вооружились

вилами, рознами, кое в ково были винтовки. Братья Фоминовы пошли, Федот, Егор, Лазарь, Галактиона не взяли за то, что он лунатик; Павла с сыном в сапачах, Руских; два моих хуторца ушли до сапачей; пошли в оружейный склад в стан. Каменскую, набрали два воза винтовок, патронов. Когда доехали до станицы Гундоровской, их встретили сапачи-товарищи.

- Куда везете оружия? - Ответ, что вам неизвестно. На левом фланге наши товарищи не имеют оружия.

- Гонити скорей, а то кадеты наступают!

Налово никого не было. Они два воза привезли своим, стала дележка; на пять казаков - одна винтовка, но идем выбивать из станицы. Нет нет не в силах, сапачам пришло подкрепление; нашим приходится отступать, и скорей гонцов в Луганск за немцами; первые летели ерошланы, ишалони северо-донецков ветков, станция Изварина. Сапачи русские дрогнули, немцы и казаки пошли в наступление, выбивают из станицы; тут-то сын Павла Ф. и отличился - он заделался партизаном. Когда уходили с станицы он из-за углов стал убивать товарищей, побежал под мост, видит, бежит его родной отец: Павло Фомин; сын, выскочил на мост, спрашивает отца: - "Ты куда?"

- "Да видишь, наши отступают!"

Сын дал выстрел, отец упал наповал; сын собрал все винтовки и стоял на мосту, ожидал казаков. Пришли казаки, он раздал винтовки. Казаки спрашивают: - "Иван, это кто убит? - "Товарищ отец!"

- Кто его убил? Казак его сын. А что дядя Лазарь с вами да что-то у Ивана тамлось. Дядя Егор он командует на левом фланге, дядя Федот с ним, дядя Галактион нету да его ненужно.

Пошли наступать на Каменскую, выгнали с Каменской, привели восставших в порядок, мобилизовали всех вклучительно по наш год, стариков распустили; за станицей Каменской был убит Федот; его похоронили с почестью; осталось два брата, на фронте Фоминовых: Егор да Лазарь; Егор был вахмистром в Гундоровском полку, Лазарь был в другой части.

Мы стали казачкам помогать сеять жита. Приходит сваха, это мать Сони.

- Посей нам жита! - "Хорошо; мы поедем с Сонев!"

"Не трогай её; она вспоксилась!"

На другой день мы поехали и Соня. Я стал сеить, мать боронить волами, Соня конями. Мать глаз не спускает с дочки, Соня проходит мимо меня, не смотрит на меня, и говорит:

- Видишь, как за мной следит: все одно невследит!

Один вечер прибегает: - "Давай схоронимся!"

Мы так схоронились, а улицу нам видно; смотрим, мать идет с дубиной; где она нас только не искала, мимо нас проходила и приговаривала: "ах, и дам!" - Ушла спать.

Я стал расспрашивать: - Мать била? - Била! А потом отец кнутом так испорол; а тебе тоже хорошо попало. Ты правду говорил, что это ловушка!

Долго мы посидели.

"Но, Соня, иди; мать спит с дубиной!"

- Но я не дамси!

На утро Сони мать спрашивает мою мать: - "Где Володя эту ночь был?"

- Нигде. Спал, а что наверняка они опять умести!

На заре пришла Соня, опять отказалась. Как мать не следила, ничто это не помогло, все тоже продолжалось.

Пришла и наша очередь, забирают и нас служить. Я попадаю у выборы в Конвой Донского Атамана. Спустя два месяца я получил письмо от Сони.

- Я убитая горем, осталась сирота: Папаня убит, дядя Лазарь убежал к большевикам; дядя Галактион умер; хотя на один час приезжай, я посмотрю на тебя!

И так один Лазарь Фомин жив, и тот ушел к большевикам. Спустя шесть месяцев, я пришел на побывку. Наталья Яковлевна, жена Лазаря, зовет меня:

- Сват, приходи хотя на час!

Я вспомнил её просьбу, пошел; там была мать Сони, обе зацвываются слезами.

- Что вы плачьте? - Мать Сони говорит: - "Я осталась одинокой, муж убит, Соня померла от тифа, прости меня; я дурная была, что вас ту ночь не защитила; это меня мучит до глубины сердца, какую вы перенесли боль!

- Не плачь, сваха, все раны заросли. Но, а ты чего плачешь?

- Мне нет житья из-за мужа; все на меня кричат: "болшавичка", и хотят все мое продать, а где я тогда пойду с детем?

- Кто это делает?

- Все старики!

- Не плачь, это недопустимо и продать не имеют права!

- Да и сам атаман никак не уговорит стариков!

Они все успокоятся; я пойду сейчас к атаману, скажу все, что ты сказал.

Оделась и побежала.

Мы остались с Сониной мамой; она не плакала, разговаривала с улыбкой. Приходит Наталья Яковлевна.

- Иди скорей, Атаман зовет!

Я пошел, захожу к Атаману, поздоровались. - Садись!

Я говорю: " что вы делаете?"

- Да ничего не поделаешь со стариками, что они в тылу Донской Армии врагов демайт; ведь не её судит, а Лазаря, что они уверены, что больше в нашем хуторе не будет большевиков, ведь они будут все расстрелены.

- Володя, я тебя понял; стой, я делаю сходку.

Он взял кусок бумаги, написал, прибил печать, дает мне.

- Я отвечаю за тебя!

Это была приглашительная записка на сходку. На другой день кричат: "На сходку".

Все собрались; захожу, передаю расписку писарю; он её прочитал вслух; я сел сбоку писаря. Сбор открыт. Крик: "Продать".

Атаман предупредил стариков, дает мне слово. Я попросил Наталью Яковлевну выйти на двор. Я все вышеуказанное сказал: были ко-кто недоволен; атаман закрывает сбор.

- Покурить, и хорошо обдумать этот вопрос!

Атаман зовет. Вновь открывает сбор: кто что скажет. Все в один голос: "Не продавать. Мы его будем судить!"

Подсвывает Наталья Яковлевну; атаман говорит: - Иди домой, тебя никто не тронет, живи!

Потом все говорят: " хотя мы стари и дураки!"

Наталья Дювлевна отблагодарила меня.

Дон в красных акупантов; Лазарь пришел домой, никого не трогал, а помогал. Он был выслан на Сибирь, там сраженный пулей чекиста, в неизвестной могиле лежит. Никого не осталось Фоминских братьев.

28-II-58.

В. М. Власов.

О СТИХОСЛОЖЕНИИ.

При оценке стихов любитель их должен наблюдать за соблюдением поэтом размеров стиха, что безусловно необходимо - оно придает ритм стихотворению, иначе это будет просто полупрозаическая речь. Избранный поэтом размер должен проходить через всё стихотворение, что к сожалению, не всегда соблюдается.

Возьмем, напр., стих. "Атаманам-баламутам" И. Вишневецкого. Написано оно ямбом: Чего/ шуми-те ба/ламу/ты, но во второй строфе первый и второй стих уже нарушают этот размер.

Разве / не зна/ете/, что Ка/заки/я
Роди/лась в борь/бе сти/хийной.

Если произносить по ямбическому размеру, то получается "разВЕ, вместо РАЗве, "в бОРьбе" вместо "в борЬБЕ" /К.Е., № 22 /.

Или его же стих. "Быстро тучи разбежались" /К.Е. № 23 /.

Написано оно хореем:

Быстро / тучи/ разбе/жались
После / сильной / бури,

но третий стих этой же строфы написан уже ямбом

И лю/ди бы / стро под / нялись

То же самое и во второй строфе :

От ра / дости / охме / лели

В шестой строфе :

Были / рады / и ста / рики

Что во / ли до / ждались

Здесь один стих написан хореем, да и то неудачным, следующий же стих - ямбом. Такое смешение абсолютно недопустимо.

Этот недостаток невидержанности ритма проходит и во многих других его стихотворениях, напр., "Трагедия мира". Поэту следовало бы обратить на это внимание.

В следующем номере мы коснемся о нарушении этого элементарного правила и другими поэтами.

/продолжение следует/

КРУЖОК КАЗАЧЬИХ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ.

Есть, или был, в Париже "Кружок казачьих поэтов и писателей", председателем которого состоит, или состоял, Н.Н. Туроверов, бывший также и председателем "Казачьего Союза". С председательства Казачьего Союза он ушел /или его негласно "ушли" и деятельность К. С. несколько оживилась.

Но в Кр. К.П. и Писателей омертвевшая рука Председателя его как будто еще простирается: Кружок безмолвствует...

А между тем жизнь идет, не стоит; появились новые поэты, новые писатели, которые требуют поддержки или моральной или материальной.

Однако, М.Н. Гаврилов, несомненно талантливый поэт, недавно посвятил свое стихотворение П.Ф. Кривоу - учителю своему, а не Кружку, где бы, казалось, он и мог найти себе поддержку. Стихи П.С. Полякова изданы не Кружком; П.М. Абрамов издает свои произведения за свой счет и на ротаторе /хоть чтонибудь да останется/. И.Е. Тапилин сколько вопиет об издании своих произведений, обрисовывающих быт Казаков; а П.А. Соколова талантливая казачка-писательница должна разбрасывать отрывки своих произведений по разным журналам.

Не пора-ли пересмотреть и переоценить "деятельность" Кружка путем привлечения новых лиц, не сонливых, а отличающихся хотя-бы некоторым характером деятельности?

Была попытка организовать новый Союз, но попытка сделана неопытными руками - собраны в один список все лица, фамилии которых встречаются в газетах, тогда как следовало бы первоначально обратиться к уже существующему Кружку /расплатиться без нужды организации нет никакой надобности/, переговорить о мерах оживления деятельности, о розыскании средств и т.д. И когда эти переговоры, спокойные, беспристрастные, имея ввиду лишь общие интересы Кружка, не удадутся, тогда уже можно приступать к созданию новой организации.

Конечно, первым препятствием явится "политика" и она по всем данным будет непреодолимым препятствием, что мы и видим в великорусских организациях: там тоже два Союза писателей журналистов, два союза инженеров, два Союза адвокатов, два Морских союза, пять церквей...

Все таки надо было-бы попробовать потормозить его, пробудить его от зимней спячки.

КАЗАЧЬЯ ПЕЧАТЬ.

В № 71, 72 и 73 "Казачья Жизнь - Казаче Життя" напечатаны выдержки из статьи сов. историка Ф. Шумилевича: "Казачья Некрасовщина", помещенной в журнале "Дон", издаваемый Союзом писателей Дона в Ростове-на-Дону. В конце этой статьи приведена и литература по этому вопросу /21 источник/. Из новых советских источников указан - Сборник документов "Булавинское восстание" /М. 1935 г./, затем приведена запись со слов казачки А.Л. Зайцевой /1944 г./ и "Записки кн. В.В. Долгорукова о действиях карательной экспедиции" /1955 г./, остальное все материалы старые, дореволюционные, не считая "Очерков истории СССР", которые не являются первоначальным материалом.

Все это написано, несомненно, в советском освещении, иначе не позволили-бы напечатать, но все таки статья эта представляет интерес, - в ней собраны воедино все сведения о Некрасовцах, разбросанные в разных источниках.

Надо отдать должное этому /"Каз. Жизнь-Каз. Життя"/ журналу, что он много уделяет внимания темным сторонам нашей печальной эмигрантской жизни и тем способствует очищению "атмосферы".

Но в одном случае /№ 73 с. 17/ считаем необходимым возразить А. Чаге против его неосновательных и чрезмерных обвинений А.Е. Алимova в "АТЕИЗМ" /подчеркнуто А. Чагой/... "и мало этого, это плевок в души наших религиозных предков". А обвинение это последовало за слова А.Е.А. "не молебнами с акафистами, а культурой и цивилизацией отвое-

вдается достойное право на ЗЕМЛЕ". И далее А. Чага указывает, что Донские Казаки, покидая развалины Азова, взяли с собой только икону Божией Матери /прибавим от себя -и Ивана Предотечи/, а Запорожцы уходя из разгромленной московскими войсками Сичи, взяли с собой "только образ Пречистой". И далее А. Чага ставит вопрос: "Мы не знаем, кто такой ст. Алимов? Может быть он неверующий, атеист, но он прямо таки "переплынул" и пастора Фесенко"... И потом А. Чага упрекает жур. "К.Е." "Ведь журн. "К.Е." не является, как будто-бы, органом безбожников!"

К чему такое преувеличение? И "атеист", и "переплынул", и "орган безбожников"... Ведь смысл слов А.Е.А. был таков: "не одними молебнами с акафистами, а культурой и цивилизацией"... Приведение примера из жизни донских и запорожских Казаков не совсем уместно: тогда шла борьба с оружием в руках, и не на жизнь, а на смерть против захватчиков и это сопровождалось непоколебимой верой в помощь Божию, и она спасла донских Казаков, потому что они бились до конца.

Когда Дмитрий Донской шел на Куликово поле, он посетил Троицкую лавру, взял благословение преп. Сергия, и Дмитрий верил в помощь Божию, и она спасла его; когда в японскую войну 1904-05 гг. тем же путем в подражание Дмитрию Донскому поехал и ген. Куропаткин и ему на всех станциях подносили иконы, то по всей России прошла насмешка: "Японцы нас бризантными снарядами, а мы их молебнами да иконами". И никто тогда не считал это ни за атеизм, ни за безбожие. Ген. Куропаткин компанию все таки проворонил, потому что у него не было искренней и глубокой веры, которая помимо его воли и сознания, через его подсознание указала-бы ему тот способ действий, каким он мог бы одолеть врага, а было у него только внешнее подражание вере.

Вот и А.Е.А., указывая на "молебны с акафистами", подчеркивает нашу подражательность вере, и на отсутствие истинной веры, которая подсказала-бы нам через наше п о д с о з н а н и е правильный путь к д е й с т в и я м, в частности, к объединению всех Казаков.

Отметим статью В. Сердюка "Воспоминание из прошлого", и "Полевой суд", где автор рассказывает случай, показывающие отношения белого командования к Казакам.

О таком же отношении к Казакам говорится и в статье "Атаман Платов" Лага.

В "Казачьем Единстве" /№22/ помещена из Каз.Ист.Календаря за 1957 г., статья "Ледяной Поход" Уральских казаков, когда из выступивших 15.000 чел. дошло только 2.000 казаков; тут-же помещено стихотворение Веры Сенс в память нескольких тысяч замороженных Донских Казаков 4-го Дон. корпуса в Маньчжурских степях под командой ген. Павлова, и тут же приводятся воспоминания о "Ледяном" походе Добровольческой армии.

И сколько шуму было сделано об этом "Ледяном" походе. А этот "Ледяной" поход в чем состоял: в степях иногда бывает так: идет дождь при температуре - 1 - 2 гр. и, падая на землю и на одежду, вода замерзает, и только, но ни стеснения в движениях, ни ощущения холода почти нет. И по рыцарской чести /они же считают себя ими/ в своих прославлениях своего "Ледяного" похода добровольцы должны-бы при этом вспомнить и подлинные ледяные походы своих-же собратьев по борьбе с большевиками - казаков.

Но вспоминать свои "ледяные" походы по сравнению с казачьими, было-бы большим конфузом для Великоросов.

Отметим и статью "Мысли и пожелания" С.Д.Соколова, С.Д. Соколов уже неоднократно высказывал подобные мысли, общие почти всем Казакам. Он даже говорит: "Если нет примирения в "верхах", то необходимо начинать с "низов", у которых отсутствуют личные амбиции", но никакой конструктивной, созидательной идеи он не предлагает.

О всем этом писалось уже много, и никакого примирения между "вождями" и быть не может, не для того они и делились, чтобы примиряться. Да какое, собственно, отношение имеют "вожди" отдельных казачьих групп до в с е г о Казачества?

Но об этом будет говорить дальше /см. Казачья Трибуна"/.

В статье "Мысли свободных Россиян" за подписью А.С. по поводу изданной брошюры на 6 стр. за подписью А.Толстой, И.Сикорского и Б.Сергиевского, указывает на то совсем ничтожное сопротивление, проявленное народом великорусским, давшим из своего 80 миллионного населения Корнилову = 1.200 чел., а Деникину = 1.450 ч., вся же тяжесть борьбы легла на Казаков, "о чем вы, "россияне" нигде не упоминаете". "Эта русская толпа, жирея на казачьих гостеприимных хлебах, держала себя не только не лояльно, но высокомерно. Она не только не благодарила Казаков за их радушие, за их хлеб-соль и политическое убежище - святой казачий девиз, - а нагло издевалась над Казаками за их свободулюбие".

В "Родном Крае" обращает на себя внимание длинные статьи "Очерки по казачьему вопросу" Н.М. Мельникова, занявших почти четвертую часть всего журнала. Заглавие статьи "Очерки по казачьему вопросу" не соответствует внутреннему содержанию статьи - это продолжение полемики с Байкаловым, начатой еще в "Русской Мысли". Статья эта несколько расплывчата, "многоводна". А его исторические ссылки нейдут и ничего не представляют собой нового, оригинального, а ограничивается повторением всем давно известного; по его мнению Строгановы "учредиша...удоволиша... украсиша... даша Ермаку все; он даже не отнесся критически к достоверности излагаемых в Строгановской летописи событий. Автор не обратил надлежащего внимания на особое значение во всей истории Ермака казачьего "Написания", отразившегося на краткой Кунгурской Летописи, а не на Строгановской, написанной по заказу самих Строгановых.

Его исторические ссылки нейдут дальше Карамзина, Ключевского, Платонова, А.Г.Попова, В.Д. Сухорукова, А. Леонова, Савельева.

Мы совершенно не касаемся "новоиспеченных историков", выбирающим из имеющегося, нередко противоречивого, материала только то, что им лично нравится, что соответствует их партийно-политическим видам".

А разве прежние историки все с в о б о д н о писали? Разве они из имеющегося материала не выбирали только то, что им нравится, или то, что им приказано? И так ли уж они беспристрастно писали о Казаках? Да и сам критик, говоря, что "Смута была преодолена" Божьей милостью и казачьей службой" оборвал эту цитату, не продолжил ее, потому что она ему или не нравится, или не подходит к его "политическим видам".

Напомним эту цитату: "и Божьей милостью, а их /казачьей/ службой о п я т ь в з ы с к а л о с ь государство и государь у ч и н и л с я, и ныне братья их очистили государство да в Литовскую землю введут и города емлют..."

Казак "душой" не утерпел бы привести эту цитату целиком, и не оборвал бы её перед самым интересным местом.

х/Новоиспеченным историкам" всегда неизбежно противопоставляются "перепеченные критики".

"Казак" /№ 48 и 49, парижское издание/.

Помимо обычных выдержек из разных источников, помогающих Казакам выявить их роль и значение в жизни России и особенно в современных событиях, в этих номерах есть ряд статей, которые привлекают внимание читателя.

Это статья Н.Дмитренко: "Кто они?" Статья большая, очень большая три глубоких "подвала", однако она не разъясняет югославских "действ", ради которых статья написана, а скорее запутывает их и сваливает вину на других лиц. Мотив, что вся эта история произошла якобы из-за борьбы за Кубанские Войсковые Регалии и чтобы "смазать", Вольно-Казачье движение является мало убедительным. Думается, что в разъяснении всего этого будут иметь значение слова самого И.А.Билого, помещенные в этой же статье: "А главное... что побоями, голодом и холодом и вообще всей обстановкой угроз и издевательств меня вынудили подписать свои показания на сербском языке, не дав мне прочитать их. Несколько раз я подписывал, не зная, что подписываю. Говорю об этом не только для настоящего, но и для будущего, т.к. совсем не уверен в том, что я не подписал там чего либо меня или ВК компрометирующего."

Разумеется, что под угрозами, насилем, избивением можно во всем "сознаться" и подписать что угодно; в СССР "чистосердечно" признавались и подписывались в таких не совершенных ими деяниях, за которые их потом расстреливали.

Нам здесь не разбираться во всех деталях, но мы считаем, что ввиду такого обширного распространения этого дела, И.А.Б. необходимо не ограничиваться одними нападками на Г.Л.Еременко /см. ст. в № 49 "Казак" - Кто такой на самом деле Еременко?/, а выяснить все дело по существу и тем самым восстановить свое имя.

Беда-то в том, что публика, помимо своей склонности ко всякого рода сенсациям, несколько напугана случаем с "проф. А.П.Марковым, оказавшемся сов. шпионом и еще более напугана тоже сов.шпионом Казом-Бекком. Все это создает обстановку, располагающую к болезненному восприятию всяких слухов, статья-же Н.Дмитренко оставляет немало темных мест так же со склонностью обвинять других.

Вторая статья - это "Доклад для Украинцев", сделанным И.А.Билым. Интерес представляют самые прения по поводу этого доклада, возникшие главным образом между Украинцами.

Из этого обмена мнениями вытекает два взгляда Украинцев на Донцов - проф. В.Чаплиенко и проф. Л.Шанковского - диаметрально противоположные. Проф. Чаплиенко говорит, что Дон надо отдать Великоросам, а Кубань - Великой Украине, потому что он не видел на Дону никакого стремления к независимости, а только видел у Донцов сохранить свои сословные интересы. Очевидно, у проф. Чаплиенко было плохое политическое зрение: как только Дон получил возможность выразить свое мнение он его и выразил спокойно и с достоинством, объявив себя независимым государством, след., идея независимости у Казаков жила в их глубоком подсознании, загнанное туда чудовищным погромом Петра I-го, тогда как на Украине, как и в Великороссии, шла кровавая баня.

Совершенно другой взгляд на Донцов высказал проф. Шаньковский, взгляд спокойный, государственномыслящего человека, чуждого молодого украинского шовинизма.

Но весь этот полезный в "Казак" материал, совершенно смазывается другим - травлей других деятелей, травлей, переходящей границы приличия.

Это во-первых ироническое стих.- "Орел меча и пера", посвященное И.Н. Коноводову, "сочинил профессор ДУЛЯ", видимо владеющий стихом.

"Профессор" /какого университета и какие он лекции там читает?/, вздумал посмеяться над "Ваней", которому, вероятно, за 75 лет, и над "Васей" то же не молодому. Такое обращение хуже свинского, со свиньи ничего не спросишь, а "профессор"?

Но самое главное не в этом свинском обращении, хотя бы к людям и другого политического взгляда, а главное, и что особенно оскорбительно, так это ваерство "проф. Дуля" по поводу инструментов, которыми И.Н. Коноводов зарабатывает подлинно хлеб свой насущный - молоток и швайка. Что тут позорного? Он не поступил ни на какое содержание, он независим в своем политическом мировоззрении, жизнь он понимает так, как подсказывает ему опыт его; и если в его политической деятельности "проф. Дуля" находит что либо неправильное, ошибочное, то это и критикуй или иронией, но ирония, господин "проф. Дуля", должна быть непременно тонкой, когда человека задевает и иногда больно, а обидеться на это никак невозможно, или же сарказмом, который также непременно должен быть ядовитым, и на него обидеться то-же нельзя.

А молоток и швайка - его кормилицы и да будет вам госп. "профессор" стыдно за издевательство над тем, чем человек честно кормится.

Также обращает на себя внимание анонимная заметка "Смелый ультиматум", наполненная неприкрытым злорадством против П.С.Полякова по поводу лишения его жалования от института по изучению СССР /в Мюнхене/. Тут же попутно был задернут и Еременко, который "был исключен из организации Американских Друзей АБН в Нью Йорке".

На самом деле все обстояло несколько иначе, чем это обрисовано "смелычаком из Мюнхена".

Когда появилась книга П.С.Полякова "Стихи", то проф. Мерцалов /Великорос/, прочитав её, потребовал от Администрации Института запретить П.С.Полякову вход в Институт за стих. "России". В это дело вмешался Ученый Совет Инс-та, ультимативно потребовавший от Мерцалова взять свою бумагу обратно, в противном случае председатель Совета грозил вынести этот вопрос на заседание Совета и там, если Великоросы захотят действительно поддержать Мерцалова, переголосовать их. Великоросы замолчали, замолчал и Мерцалов. После бумаги, посланной в Институт Г.А.Еременко, П.С.Полякову было сообщено, что он может ходить в Институт когда ему угодно. С другой стороны - вопреки утверждению "Смелычака из Мюнхена", - никаким представителем В.Г.Глазкова П.С.Поляков в Институте не состоит и никаких денег там никогда не получал.

Таково освещение этого дела, полученное Редакцией.

Но рекорд озлобленности побилла статья И.Билого - "Кто такой на самом деле Еременко?"

Нас в данном случае не интересует кто такой на самом деле Еременко, а интересует до какой ненависти дошел антагонизм, что автор теряет чувство элементарного приличия.

И. Билый приводит выдержки из двух писем Еременко к Глазкову.

"Этих возможностей у меня нет, да такого..." и тут он ставит одну букву и при ней три точки, поясняя что "слово, которого напечатать невозможно" и это слово повторяется еще раз, но слово-то такое, что покажи эту одну начальную букву десятилетнему мальчишке, который пишет их на заборах, то он, потупив глаза, рассмеется.

Но замечательно то, что слова эти приводятся из частного письма Г.М. Еременко, где он мог писать что ему угодно и как угодно, к В.Г. Глазкову, причем письма с точными датами.

У наблюдательного читателя невольно возникает вопрос - откуда эти письма могли появиться в руках третьего лица, в данном случае М.А.Билого. Загадка, которую мы оставляем разгадать самому читателю.

Между прочим, было послано в Англию письмо в адрес одного лица. На это письмо оттуда получается ответ от другого лица, "Упол. по делам Округа КНОД в Англии", и с угрозами.

В этом же письме пишется и про другое лицо - "его письма /два/ по неосторожности, попали мне, они будут опубликованы мной в прессе".

Если чужое письмо, попало в посторонние руки, то добросовестные и воспитанные люди, не читая возвращают письмо по принадлежности.

Что же мы видим здесь: письмо, посланное в личный адрес, получает другое и имеет еще наглость отвечать на него с угрозами; письма другого лица, попавшие к этой-же персоне, она собирается даже опубликовать их; а одно лицо, так тот даже публикует содержание писем других лиц.

Ну времена, ну нравы!

Мы это сообщаем исключительно для того, чтобы показать читателю, до какой степени забыто само ДЕЛО казачье и как личные страсти губят его.

Обозреватель.

КАЗАЧЬЯ ТРИБУНА.

ДЕЛА КАЗАЧЬИ.

ВЫБОРЫ ДОН. АТАМАНА.

Мы уже писали, что руководство производства выборов как членов парламентов, так и главы самого государства, принадлежит власти и сполнительно, и это существует во всех государствах; следовательно приказ о выборах, автоматически должен быть дан при истечении срока полномочий Атамана, Правительством, находящимся в данный момент у власти. Таков нормальный порядок.

По нашим Основным Законам выборы Атамана производится Кругом. Если Атаман умирает или уходит с поста в то время, когда Круга нет, то Председатель Правительства немедленно созывает его, чтобы Круг избрал Атамана.

Но этот наш порядок нарушен непреодолимыми препятствиями - мы оказались за границей, полномочия Дон. Атам. А.П. Богаевского продолжились на долгое время. Затем он скончался, след., все полномочия перешли от него к Председателю Правительства, которым в то время считался Н.М. Мельников.

Вот отсюда-то, благодаря отсутствию у него подлинного государственномыслия, и пошли все наши многоатаманские бедствия,

Вместо того, чтобы принять власть и произвести выборы, он умыл руки, отстранился и тем нарушил порядок преемственности.

Казалось-бы, и на это надо было иметь немного опыта по Осн.Зак. необходимо было-бы созвать круг, но кворума Круга нет, да и адреса их неизвестны, да, наконец, и обратиться им невозможно; следовало бы собрать несколько опытных лиц, обсудить с ними создавшееся положение о том, как быть. Естественный ход мыслей должен бы им подсказать, что

сам Круг-то есть эманация от в с е г о народа, значит, теперь, по создавшейся обстановке волеизъявление в выборе Атамана должно отойти к своему первоисточнику, к н а р о д у. И тогда-бы были произведены выборы, как они и произошли без его участия.

Но беда-то вот в чем! У нас два Атамана, и сроки их полномочий истекли. И.А. Поляков уже создал "свою" избирательную комиссию; г.-ат. К. П.Х. Попов воздерживается дать приказ "Управляющему Отделом Внутренних Дел Совета Управляющих Отделами В.В.Д. в изгнании" полк. П.И. Медведеву, или, если он дайт ему этот приказ, то Упр. П.И. Медведев, как видно, не торопится производить их, относится к этому делу прохладно, рассчитывая, вероятно, на "скорую смерть" П.Х. Попова, после чего во главе В.В. Донского в изгнании, станет заместитель Донского Атамана П.А. Лобов, а П.И. Медведев - Председателем Дон. Правительства.

Такая молчаливость и самого П.Х. Попова и его "правителей", естественно, вызывает неудовольствие Донцов, нежелающих быть обезглавленными. Появилось год тому назад, 31.5.58 г. "Декларация" от Зарубежного Круга Спасения, призывающая собрать Большой Войсковой Круг, и пока что ничего не сделавший.

Через год после этого объявления появилось новое объявление от Донского Объединения с целью уже создания Избирательной Комиссии, рассылаются приглашения на это собрание. Каковы будут последствия, если этой Комиссии удастся произвести свои выборы? Несомненно, увеличение числа "Донских Атаманов": будет "новоизбранный" Атаман и будет всех призывать к "единению", будет еще "перизбранный" Атаман И.А. Поляков и еще будет продолжать вечно и совершенно бездейтельно быть Атаманом П.Х. Попов.

Вот таковы беспросветные перспективы недалекого нашего будущего.

Отчего-же все это происходит? Единственно от нашей действительной некультурности, к сожалению, часто касающейся и нашей "интеллектуальности".

Для каждого Казака, неодолимого никакими амбициозными возделаниями /непрерменно играть политическую роль и притом обязательно первуу/, должно быть ясно, что В.В. Донское - е д и н о, следовательно, и в о з г л а в л е н и е его также должно быть е д и н ы м. Единство это можно быть достигнуто в единой Избирательной Комиссией.

Если наши генералы-Атаманы подлинно "государственномыслящи", если им дорого единство В.В. Донского, то они, отложив свои амбициозные возделания в сторону, как подобает то подлинно государственномыслящим людям, должны совместно создать одну Центральную Избирательную Комиссию из представителей тех групп, которые выставляют своих кандидатов, при чем выставление кандидатов должно быть непременно за подписью определенного числа лиц /50 - 60/. И эта Ц.И.К. будет тем "третьим", который создаст единого Атамана. Если чей либо кандидат не пройдет, то что же делать-надо с этим примириться, ибо такова воля народа, и уйти в оппозицию. Посмотрите, как это делается за границей - пора уже и поучиться чемунибудь.

Если же не создастся единой Комиссии, то тогда не будет и В. В. Донского, а будут только отдельные группы Казаков, возглавляемых Ивановыми, Петровыми, им же несть числа... между которыми может оказаться и просто политическая шантрапа, хотя и имеющая благообразный вид.

"Верховный Атаман". В настоящее время с именем "Верховного Атамана" связывается очень много шуму, брани, обливание грязью, и, вообще, усилением и углублением раскола, переходящим ныне даже в украинскую среду.

Попытаемся, насколько это возможно, выяснить те причины, которые привели к этой сумятице.

Существовал в Париже журнал "Казачье Единство" /печатный/, первый номер которого вышел 14.10.47; это орган "Объединения Казаков комбатантов". В № 4 этого журнала-газеты от июля 1948 г. опубликовано от Верховного Казачьего Круга сообщение, что им избран Верховным Атаманом - Походный Атаман Вольного Казачества И.А. Билый, Вице-Атаманом и руководителем /подчеркнуто нами/ казачьего народного и политического представительства инж. В.Г. Глазков, Генеральным Секретарем Верховного Казачьего Представительства и руководства редактор И.И. Безуглов. В этом же номере помещено послание от ОКК /объед. каз. комб./ "Атаману Президенту Казачьих Войск станичнику И.А. Билому с пожеланием "да хранит Зас рука Всевышнего на многие лета и на пользу Казачества".

С 5-го номера начинаются статьи за подписями И.Н. Коноводова /он же и редактор/, инж. В. Фесенко, Н. Ковалева /Австрия/, инж. Вл. Донецкого, И. Безуглова, инж. И. Гарбуза, В.Г. Глазкова, Т. Медкова, М.Д. Ильина, Н. Посохова, А. Скрылова, Г. Еременко, С. Макеева и самого Билова. Все устроилось превосходно, единство в этой части казачества установлено.

/Интересно проследить редакторство: № 1 и 2 - Н. де Линьи, материалы направлять - Н.Н. Туроверову, пожертвования - Е.Т. Гетманову; № 3 - дирек. Л. Массон, № 6 - И.Н. Коноводов, № 7 - Редакционная Коллегия, № 8 - 14 - Хрипушин, с № 15 до 31 - Ред. Ком.; в апреле 1957 г. - конец./

Но вот 1 апр. 1951 г. выходит № 1 "Казака" под ред. Хрипушина.

Из этого перечисления дат видно, что к 1 апр. 1951 г., т.е. несколько раньше, из "К.Е." печатного, выделился И.А. Билый, - журн. "К.Е." тогда как просуществовал до апреля 1957; таким образом, формально, по внешности, вина за разрыв лежит на И.А. Билом, как покинувшим свое сотрудничество в нем.

Но одной формальности, чтобы поставить ее в вину, еще недостаточно, надо знать и те внутренние причины, которые вызвали этот разрыв.

По одним сведениям, что И.А. Билый оказался недовольным контролем его со стороны комбатантов, но т.к. "КЕ" есть орган Объед. Каз. Комбатантов, то они, разумеется, вправе были контролировать его; с другой стороны - И.А. Билый, как "Верховный", не пожелал подчиняться этому контролю и основал свою газету "Казак", начав действовать уже единолично с несколько диктаторскими наклонностями, которые впоследствии развились в нем и окрепли.

Нет, напр., собрания "Верховного" Круга, его избравшего на четыре года, след., чувствуется им опасение за свое переизбрание; его единоличное, ни с кем не посоветывавшись, вступление /АДАВН см. письмо в редакцию Мих. Лидина/, его гордое заявление для иностранной печати /в № 34 "Казака" в подписи к статье на французском языке/, что он "IGNAT BILYI, Ataman supreme des Cosaques en exilе, это необоснованное самомнение оскорбляет всех остальных Казаков, т.к. выбрали его не все Казаки, а только отдельная группа их, причем ныне уже сама распавшаяся, и остатки её продолжают распадаться /выход ст. имени ат. Павлова, Англия/.

Но верх совершенства всего - это производство им в военные чины, которые даются только по военной службе и за воинские подвиги.

И надо удивляться тем лицам, которые принимают все это "производство" всерьез.

Мне вспоминается один случай в церкви. Служили всеобщую с помазанием елеем: прикладываются к иконе, а потом подходят к священнику, а тот помазует; стакан с елеем держит в руках казак. Священнику понадобилось пойти в алтарь; он положил кисточку в стаканчик и ушел; в это время, приложившийся к иконе, подходит к казаку; этот, ничто-же сумняшася, берет кисточку и помазует его елеем, за ним подходит второй, третий и таким образом он перемазал с десяток человек, пока его не остановил кто-то. И как потом смеялись над этими "помазанными"!

Не случится ли чегонибудь и с этими елейными чинами?

Но ведь опасность от "елейного производства" не в этом состоит, а в том, что "идея" подменяется "чинами" и борьба у них превратится за чины. Эта большая опасность - замена идеи. И некоторые благоразумные уже возвратили "приказы о производстве" и восстановили свои старые чины.

Так часто бывает, что хорошие идеи обращаются в смехотворные дела.

Но вот мы уже имеем признаки пробуждения и освобождения от этого диктаторского гнета. Это протокол /№ 18/ Особого Сопевания членов ст. им. Павлова. Предс. ст. В.Т. Охрименко жалуется, что Билый, несмотря на то, что хут. им. Павлова внес ему 70 фун., в течение 5 лет не признавал этого хутора, а "против их воли загонял их, как в колхоз, к Кудрявцеву - Емельянову".

Далее, А.Г.Федосов указывает, что "несмотря на то, что Казаки настойчиво требуют от Билого своей реабилитации, Билый почему-то не в состоянии защитить себя и очистить свое имя"; во 2-м пункте говорится; что "мы хорошо знаем те личности, на которых И.А. Билый опирается в Англии и, несмотря на предупреждения, не желает прекратить их вредной для Казачества работы". И, наконец, в своей резолютивной части они заключают, что они были лояльны по отношению к Верх. Ат. Билому, "а сегодня на наше прошлое с ним кладем крест и перестаем считать его своим атаманом", "пункт же общей программы /КНОД-а/, что И. Билый представляет все национальное казачество в свободном мире - ложен". /КЕ. № 24 /.

Такое же отношение к нему начинает перебрасываться и в украинскую среду.

В /Каз.Ж. - Коз.Ж." /№ 74/ напечатана такая заметка:

"Ирослав Гриневич, директор Украинского народного университета в Нью-Йорке, сложил свои полномочия директора в знак протеста против того, что один из лидеров группы Степана Бандеры, без его ведома и согласия устроил от имени университета доклад Игната Билого. И.Гриневич, и вслед за ним и другие руководители университета, последовавшие его примеру, считают недопустимым всякое публичное проявление Игната Билого не только среди казачьей, но и украинской и другой общественности вследствие опубликования о Билом убийственных материалов о его агентурно-провокационной работе" /"Каз.Ж.-Коз.Ж. № 74 /.

Нам думается, что И.А.Билому надо-бы пересмотреть свое злоупотребление титулом "Верховный" и ему и никому вообще никогда не принадлежавший; а также и "урегулировать" вопрос о югославских "действиях", ибо дело это, действительно, получает несколько скандальный оборот.

х/ Другой "Верховный" как будто-бы понял нелепость такого положения, по крайней мере об этом он давно не афиширует.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Дорогой станичник - редактор.

Будьте добры поместить в очередном номере Казачьего Исторического Сборника настоящее письмо, за что заранее приношу Вам благодарность.

Судя по последним номерам "Казака", особенно принимая во внимание речь руководителя КНОД-а И.А. Билого, Казачье Национально-Освободительное Движение, руководимое тем же ст. Билым вошло в т. называемый "Антибольшевистский Блок Народов" на правах равноправного члена этого Блока.

Прежде всего, является странным, что такой шаг был сделан единолично ст. Билым, без всякого опроса рядовых членов КНОД-а, не было ни обсуждения, не потребовалось согласия, ни съезда, ни собрания и т.п. Этот случай напоминает именуящим себя Кубанским Атаманом Ткачева, который так же без всякого опроса Кубанцев вошел в монархическую организацию князя Белосельского, представляя там всех кубанских казаков.

Но если с Ткачева "взятки-владки", если он послушно и верноподанно идет по стопам Науменко, то в отношении ст. Билого дело обстоит иначе. Конечно, мы все казаки-националисты понимаем, что нельзя работать для своей национальной идеи в полной изоляции, что нам нужны союзники в общей борьбе с коммунистическими палачами, но нельзя же бросаться в объятия и входить в ту или иную организацию, только потому, что она так же ведет борьбу с коммунизмом.

АВН - организация довольно известная по своей идеологии, это собрание полуфашистов, антисемитов, с полной зарядкой преступных гитлеровских идей, идей человеконенавистничества, звериного шовинизма и зоологического национализма.

АВН включает в себя те малочисленные группы украинцев, прибалтийцев и др. народов, которые начисто отрицают демократические идеи, а в недавней своей практике, как например кратковременная власть "вождя" Бендеры и Я. Стецько, ознаменовали себя в Галиции кровавыми расправами со всеми инакомыслящими, а в еврейском вопросе твердо шли по стопам Гитрела.

Ст. Билый и его окружение прекрасно знают политику и идеологию АВН, почему же они так поспешно вступили в АВН.

Если ст. Билый думает, что политика и идеология КНОД-а совпадает с АВН, то это большая и непоправимая ошибка.

До сих пор, я, как и многие казаки-националисты считали, что КНОД движение демократическое, основанное на уважении к другим народам, лишённое антисемитизма и человеконенавистничества, чуждое слепой злобы и ненависти к русскому народу. И во всяком случае, если мы нуждаемся в союзниках, то такой союзник, как АВН не находка для нас, а только лишний тормаз для казачьего национального движения.

Мне думается, что решение ст. Билого войти в АВН требует всестороннего обсуждения всеми казаками-националистами, ибо единоличное решение ст. Билого создает прецедент для будущего. А, что если тот же ст. Билый, как руководитель КНОД вздумает войти к тому же князю Белосельскому... Что же, и мы поплетемся вместе с ним туда же...

Если же после всестороннего обсуждения большинство членов КНОД-а одобрит политику ст. Билого, то для меньшинства остается один выход из КНОД-а.

Нам казакам-националистам не по пути с господами из АВН. Мы не хотим, чтобы со многими другими обвинениями нас врагами казачества, прибавилось обвинение в антисемитизме и фашизме.

В заключение должен добавить, что единоличное решение ст. Билого, как его решение войти в АБН противоречит историческому и традиционному казачьему волеизлиянию.

Борясь против коммунистической диктатуры, мы обязаны бороться против всякой диктатуры, особенно против диктаторских замыслов в нашей собственной казачьей национальной семье...

Мих. Л-н.

ПО ПОВОДУ ОДНОГО ОБРАЩЕНИЯ.

Мы, Казаки, часто обнаруживаем какую-нибудь хорошую инициативу, но не умеем взяться за нее, нет у нас реального подхода к нему.

Вот, напр., А.Е. Алимов выдвинул вопрос, правда очень поздно, вопрос о "кооперативной Книгопечатне", выдвинул широко - 10.000 членов дадут по 3 дол. или по 1.000 фр., а эти 10.000 привлекут еще 10.000 итого 20.000 членов по 1.000 фр. всего 20.000.000 фр. Чем не кооператив!

А.Е.А. даже согласился дать свой адрес для начинания дела. А кто будет работать? Наша интеллигенция конечно.

А мы вот приведем пример, как другие начинают кооперативы.

В Торонто, в Канаде, существует кредитный союз, основан он 15 лет тому назад, имея лишь 44 члена при 44 дол. капитала. Сейчас этот союз объединяет более 2000 членов при капитале в 1.700.000 дол. /"Наше Общ. Дело"/.

Та же неопытность проглядывает и в обращении "От Казачьего Союза к одиноким Казакам", /"Род. Край"/, где Союз "предлагает Казакам, имеющим сбережения, вносить их в Кассу Казачьего Союза на следующих условиях" и дальше идут эти условия: " §3 Полученные деньги будут храниться в банке или в Кассе Епарии на имя двух или трех членов Правления Каз. Союза".

Идея неплохая и ее конечно, надо всемерно поддержать, чтобы результат трудов Казака, часто тяжелых, пошел бы на пользу Казаков-же. Но одно дело идея, другое - ее осуществление; тут может дело осложниться самым неожиданным образом, что в жизни постоянно случается.

Прежде всего надо знать тех двух или трех лиц, членов Правл. К.С., на имя которых внесены будут деньги, ибо моральное достоинство этих двух-трех лиц при выполнении завещания будет иметь большое значение, они должны пользоваться полным доверием вкладчика.

Приведем один пример из практики К.С. Правлением К.С. было назначено одно лицо юрисконсультом К.С. и это было внесено в протокол заседания Правления. Через неделю появляется жур. "Казачий Союз", где крупными буквами напечатано, что юрисконсультом К.С. является совершенно другое лицо. Оказывается, что Предс. Пр. К.С. Н.Н. Туроверов по своему произволу, вопреки постановлению Правления "назначил" юрисконсультом Союза совершенно другое лицо.

Теперь, умирает Казак-одиночка, вскрывают его завещание. Содержание его будет-ли опубликовано или эти два-три лица будут приводить его в исполнение бесконтрольно? Это вопрос немаловажный.

Затем, при выполнении завещания могут возникнуть и недоразумения, и дело может дойти и до суда, тогда уже всплывет перед судом и само завещание, - его придется утверждать судом и платить пошлины, чего автор обращения хотел-бы избежать. И хорошо, если завещание будет составлено правильно, а если неправильно, то все оставшиеся деньги пойдут государству.

Мы не рисуем здесь мрачных предположений, дело может пройти совершенно гладко, и указываем лишь на необходимые предосторожности.

Другое дело, когда Казак-одиночка, желая обеспечить свои похороны, вносит в Кассу К.С. известную сумму денег, смотря по тому разряду, по которому он хотел бы, чтобы его похоронили; тут помощь К.С. будет несомненно очень ценна.

Теперь, у Казака-одиночки сверх внесенных в К.С. денег могут остаться еще какая-нибудь сумма денег, и часто довольно значительная; во Франции, напр., у одного Казака осталось свыше миллиона фр., а в США, умерли два казака - после одного осталось 18.000 дол., а после другого - 20.000, что на франки составляет около 19.000.000. И во всех трех случаях не осталось ни наследников, ни завещания, все пошло в казну.

На оставшиеся деньги он составляет завещание и передает его Прав. К.С., как в место надежное, чтобы оно передало его после смерти завещателя Председателю Гражданского Суда для утверждения.

Завещание, по французскому закону можно сделать и самому, для чего безусловно необходимо соблюсти три условия: а/завещание должно быть написано с начала до конца рукой самого завещателя; оно может быть начерчено и другим лицом, но переписано все целиком обязательно рукой завещателя; бумага не имеет никакого значения, хоть на клочке; второе условие - должно быть указано время составления завещания, причем дату никак нельзя обозначить цифрами, а непременно словами: тысяча девятьсот пятьдесят.....

Завещание можно составлять на каком угодно языке. Завещатель во всякое время может уничтожить завещание и написать другое.

Третье условие - это подписать завещание - имя и фамилию. При этих трех условиях завещание будет утверждено.

Пошлины - вещь тяжелая, а все стараются избежать их.

Но ведь Франция дала нам приют, охраняет нас, дает нам Асс.Сос. так как вносимых нами взносов недостаточно и без помощи государства оно давно бы рухнуло; помогает нам и при безработице /шомаж/.

Откуда же Правительство наберет денег?

Лучше всего Казакам-одиночкам часть своих сбережений, которая по их предположениям может остаться по их смерти, распределить еще при жизни, под их контролем и у них бы при их жизни осталось бы чувство морального удовлетворения, что деньги пошли на доброе дело.

Следовало-бы подробнее и обстоятельнее разъяснить в печати всю механику этого дела, в особенности необходимо это для провинции, где главным образом и пропадают деньги, иначе-же вся деятельность Кассы ограничится только Парижем и его окрестностями.

МНОЖЕСТВЕННЫЙ ВОТУМ.

В настоящее время каждый человек, достигший известного возраста, при всяких голосованиях имеет право на один голос, будь-то голос мудреца или голос просто болвана; голоса имеют один и тот же вес.

Но пытливая человеческая мысль остановилась на том положении - справедливо ли это?

В древнем Риме существовали три степени правоспособности: "минима" /наименьшая/, это когда гражданин достигал 20-летнего возраста, он получал право только управлять своим имуществом, т.е. он мог сдать его в аренду, сделать ремонт и т.п., но ни продать, ни заложить его самостоятельно он не мог, для этого необходимо было одобрения его попечителя, как человека более опытного. Далее, в 30 лет он получал правоспо-

способность "медиа", т.е. среднюю, когда он мог распоряжаться своим имуществом уже свободно, самостоятельно, не испрашивая одобрения своего попечителя; имеет право голоса; наконец, в 40 лет он приобретает правоспособность "максима", т.е. наибольшую, право присутствовать в сенате, быть избранным в сенат, иначе говоря, он только в 40 лет получает доступ к управлению государственными делами.

Интересно проследить каков была правоспособность у некрасовских Казаков; в 19 лет он имел право участвовать в решениях Круга, в 30 лет занимать воинские должности и только в 50 лет он мог быть избранным и в войсковые походные атаманы и в старшины, т.е. в сенат.

Когда гражданин получает право голосовать, т.е. выбирать, напр., сенаторов и других более мелких должностей, или атамана и старшин, то такое право подачи голоса называется активным избирательным правом. Но всякий гражданин, имеющий право избирать, сам не может быть избранным, напр., в сенат или старшины; про такого человека говорят, что у него нет пассивного избирательного права, но, достигнув 40 лет или 50-летнего возраста, он может быть избран в сенаторы или старшины; такой человек приобрел пассивное избирательное право. Такое пассивное избирательное право введено для того, чтобы управление государственными делами не попало в неопытные руки.

Но ведь избирателей с активным правом очень много и они, по неопытности, своими голосами могут дать перевес какомунибудь явному демагогу, потому что их голос, при голосовании имеет одинаковый вес с голосом людей опытных.

Чтобы сохранить вес голоса опытного человека введен /кажется пока еще в одной Бельгии/ так называемый множественный, или плебральный вотум.

Он состоит в следующем: каждый гражданин имеет право одного голоса; когда он достигнет, напр., 30 лет, то он имеет право на подачу двух голосов, когда же ему исполнится 50 или 60 лет, то он получает три голоса, т.к. опытность его в жизненных делах с возрастом и увеличивается и голос его должен был бы становиться "тяжелее".

Далее, лица, получившие среднее образование, получают дополнительно еще один голос, а с высшим образованием - два дополнительных голоса.

Представим себе такое положение /мы берем упрощенные примеры/: в собрании присутствуют 100 чел., из них 70 человек располагают по одному голосу и люди они все неопытные, а 30 чел. опытных и знающих, располагают по 3-4 голоса. При обычном голосовании 70 неопытных человек всегда будут в большинстве, а люди, умудренные жизненным опытом, - в меньшинстве. Но если провести голосование по плебральному /множественному/ вотуму, то получится обратное - первая группа в меньшинстве, вторая - в большинстве.

И повторяю, что все это говорится в упрощенном порядке, в самой же жизни будет несколько сложнее; но об этом методе голосования надо подумать тем, кто окажется на свободном Дону, и там постараться ввести его, ибо этот способ голосования является более справедливым, чем ныне существующий.

ГОСПОДИН, ПАН, СТАНИЧНИК.

Среди Казаков вошло не только в моду, но как будто уж и привилось как обыкновение, употреблять в письмах, в обращении, слово "станичник".

Правильно-ли это и изящно-ли?

Когда говорят слово "господин", или "пан", то представляется человек хорошо одетый, внешне воспитанный, с хорошими манерами, с белыми руками.

Но когда произносят "станичник", а особенно "станишник", то представляется человек простовато одетый, без светских манер, грубоватый в движениях, с заскорузлыми от трудов руками; мы не говорим о внутренних качествах "господина, пана и станичника", которые не определяются внешними признаками одоения.

Но в настоящее время, впрочем как и прежде, как и всегда, внешности, костюму придаёт большое значение, / по одежде встречают/.

Поэтому, если кто со стороны в письмах к Казаку обращается со словом "станичник", то в этом чувствуется уже налет некоторой пренебрежительности.

Не следовало-ли бы и Казакам к обращению к ним и в письмах и словах ввести какой-то другой термин, который выражал-бы внешне более уважения, чем слово "станишник"?

Украинцы усвоили себе слово "пан", хотя с панами у них часто бывали не особенно дружественные отношения; для Казаков-же это слово является совершенно чуждым, ибо казаки с панами не имели никаких постоянных отношений; у Казаков было принято обращение великорусское "господин" или "милостивый государь".

В настоящее время в связи с некоторыми изменениями в отношениях между Великорусами и Казаками слово "господин" или слова "милостивый государь" для Казаков в обращении стало неприемлемо, т.к. с этими словами связывается понятие о рабовладельце.

Нам кажется, что наиболее подходящее для этого обращения было-бы слово "старшина", как связанное с наиболее культурным по тому времени слоем Казачества.

Но тут могут последовать возражения и, м.б. даже горячие, против этого предложения, основываясь на том, что за старшиной числится не мало грехов, но ведь и за "господином" и за "паном" /пожалуй, числится больше, чем за старшиной, о частной жизни которой, мы ведь ровно ничего не знаем, кроме как из булавинских воззваний. м.б. несколько и преувеличенных. Во всяком случае старшина являлась и хранительницей традиций, административного устройства и обычного права, о чем мы тоже мало знаем.

Попытка здесь, за границей, организовать старшину из генералов и полковников, из которых многие не сумеют и трем свиньям разделить, как попытка чисто мальчишеская, в счет нейдет.

Мы никому не навязываем своего мнения, а предлагаем только подумать об этом и высказать свое отношение к этому вопросу, и только.

ТИХИЙ ДОН .

В Париже с 24-го по 30 апреля происходила неделя демонстрирования во Франции Советского синема. Фильмы показывались в двух синема; в обоих синема фильмы были разные, за исключением "Тихого Дона", который демонстрировался в обоих синема, причем в одном из них, более доступном, он показывался, как, впрочем и другие фильмы, четыре раза в один и тот же день.

Я не знаю, каковы были очереди перед другими фильмами, но перед "Тихим Доном" они были бесконечны.

Шла первая часть, перед объявлением войны и в начале её, 1914 г., в постановке С. Герасимова, очевидно никогда не видавший ни казачек, и совершенно не знавший казачьей жизни.

В этом отношении фильм производит удручающее впечатление: я не видел там ни одной к а з а ч к и.

Казачка надевала на себя по пять-шесть вбок, отчего фигура её имела своеобразный вид; в фильме же они одеты в длинные платья, вроде городских женщин; на затылке у них белые кички, которых казачки давно уже не носят. Помещения, в которых происходят действия, что-то невероятные. Кухня - это центр казачьей семейной жизни, она же и столовая; печка - это карриатура на нашу печку; в кухне... электрическое освещение, какие-то невиданные кровати. Нет ни одного вида станицы или хутора /вероятно показывать нечего/, есть какая-то изба или хата, совершенно не казачьего типа; сомома на её крыше вся курчавая.

Если постановщик фильма волен интерпретировать сцены как он находит нужным, то обстановку, в которой они происходят, он должен представить реально, как оно есть.

ОТ РЕДАКЦИИ .

К.И.С. не имеет в своем распоряжении никакого внешнего финансового источника. Настоящий № 8 выходит на деньги, вырученные от продажи предыдущих номеров, за которые, к сожалению, не все получатели заплатили, поэтому лицам, не внесшим плату за предыдущие номера, высылка сборника будет ПРЕКРАЩЕНА.

Пожертвования принимаются с благодарностью.

В следующем номере будет опубликован список пожертвований.

Сборник выходит в ограниченном числе экземпляров.

За статьи, помещенные в Сборнике за подписью автора, Редакция не отвечает. При запросах прилагать почтовую марку или международный купон, без чего ответа не последует.

Готовится к печати № 9 КИС. Предполагаемые темы : Казачество, Дон и Украина. Об антисемитизме. Рассказы П.А.Соколовой, П.А.Аврамова, П.Ф.Крыкова, И.Е.Тапилина. Стихи: П.С.Полякова, М.И.Гаврилова и др. Обычные отделы Сборника :

Статьи, корреспонденцию и деньги адресовать: Mr Boudanoff I.

288, rue de Vaugirard, Paris (15^e) France.

Цена Сборника: во Франции - 250 Фр., в других странах - 1 амер. доллар.

Технический редактор И. Буданов.

В № 7 КИС. необходимо внести две существенные поправки, искажающие смысл текста : стр. 3-я, снизу строка 16 вместо "состарилась" надо "отатарилась";

стр. 29-я, снизу последняя строка "командира" - надо "кандидата".

В настоящем № 8 Сборника на странице 4-й, строчки 20, 21, 22, 23 и 24 сверху, нужно читать после слов: "грозные слова Ивана 3-го /строчка 13/.

СОДЕРЖАНИЕ.

I.	Казачество	I.
2.	Казачья политика в Московии	6.
3.	К сведению будущих историков Казачества	8.
4.	Казаку, стих. П.С. Полякова	9.
5.	Отрывки из записок о Былом "Казачи Ермаковы"	9.
6.	Солнце, стих. М.И. Гаврилова	13.
7.	У тихой воды, расск. П.М. Аврамова	13.
8.	Болезнь Ивана Ивановича, его-же	16.
9.	В тумане, стих. М.И. Гаврилова	18.
10.	Два ареста Ф.Д. Крюкова, воспом. П.Ф. Крюкова	19.
11.	Дикие гуси, стих. М.И. Гаврилова	22.
12.	Грушевник, гл. из пов. "Хутор Буерак-Попов". И. Е. Тапилина	22.
13.	Орлы боевые, стих. И. Вишневецкого	25.
14.	Шесть братьев Фоминовых - казаки, воспом. В.М. Власова	25.
15.	О стихосложении	29.
16.	Кружок казачьих поэтов и писателей	29.
17.	Казачья печать	30.
18.	Казачья трибуна	35.
19.	Письмо в Редакцию, Мих. Д-н	39.
20.	По поводу одного обращения	40.
21.	Множественный вотум	41.
22.	Господин, Пан, Станичник	42.
23.	Тихий Дон	43.
24.	От Редакции	44.